

—МИСТЕР— КОЛЬТ

Криминальный роман

Василий Лой

Animedia

Василий Лой
Мистер Кольт. Серия
«Аранский и Ко». Книга 2
Серия «Аранский и Ко», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59948341
Animedia Company; 2018
ISBN 978-80-7499-291-9

Аннотация

Киев, наши дни. Черета преступлений, жестоких и особо циничных. За расследования убийств принимаются следователь по Особо Важным Делама майор Аранский и его молодой помощник, лейтенант Кордыбака. Путь к истине запутан и труден, иногда, кажется, непреодолим, но они пройдут его, найдут ту тонкую ниточку, потянув за которую смогут размотать и весь клубок преступных хитросплетений, иначе нельзя – зло должно быть наказано. Все персонажи и события в романе вымышленные.

Содержание

Василий Лой	4
Серия «Аранский и Ко»:	4
1	5
2	19
3	37
4	45
5	65
6	72
7	98
8	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Василий Лой

Мистер Кольт

Серия «Аранский и Ко»:

Книга 1. «ТТ» (криминальная повесть)

Книга 2. «Мистер Кольт» (криминальный роман)

Книга 3. «Хаммер» (криминальный роман)

Борис встал с кресла, по диагонали пересек комнату и пошел к окну. Там, за окном, с высоты двадцать четвертого этажа, хорошо были видны привокзальные высотки новостроев, блистающий своей современностью ДТЭК, и облака – серые, неуклюжие и в то же время стремительно несущиеся, догоняя, напирая и обгоняя друг друга, в сторону Днепра. А потом, опускаясь ниже к земле и цепляясь за нее своими косматыми рваными клубами, направлялись дальше, размазываясь над Русановкой, над аляповато разноцветным «Комфорт Тауном», и вдруг, словно ослабев и обессилев, уже тащились дальше, уходя грязно-серой бесконечной чередой в сторону Броваров.

Ветер неистово свистал на лоджии, шурша и поскрипывая в стопке оставшегося после ремонта и отсыревшего за зиму хозяйского строительного хлама, а где-то рядом на крыше грохотал открепившийся кусок жестяного листа – тревожно, напористо и беспокойно.

Далеко внизу двор казался уже не жуткой пропастью, а наоборот, вполне обыденной и привычной законной картин-

кой. Детские качели и горки разноцветно пестрели среди песочниц, а разлетевшийся беспорядочно и неаккуратно по бетонной плитке дорожек серый песок периодически кружил с порывами ветра небольшими вихрями-выюнками.

Двор был небольшой и неудобный: десятка полтора автомобилей теснились на парковке у двух парадных, остальные искали пристанище за его пределами, на обочине проезжей части Соломенской улицы, где нескончаемый поток машин, казавшийся спокойным и размеренным, бесшумно лился, как река, строго соблюдая свои границы и правила, вот только сразу в дух направлениях.

Для Киева была обычная весенняя пора, начало апреля. Ветер то вдруг налетал, хулиганя меж городских зданий, то отступал, неохотно умиряясь и таясь, то неожиданно срывался в холодный дождь вперемешку со здоровенными хлопьями мокрого снега, захватывая врасплох зазевавшихся прохожих и тут же мгновенно прекращался. Облака, тяжело и низко летящие, цепляясь и спотыкаясь о верхушки высоток, вдруг, словно сговорившись разбегались по сторонам, оголяя солнечный свет, яркий и задиристый.

Борис посмотрел на часы: десять минут одиннадцатого утра. Еще раз окинул взором городской простор, приподнялся на носках и, качнувшись несколько раз вперед-назад, повертел головой, разминая шейные позвонки, вздохнул, задумчиво прошел обратно и сел в широкое кожаное кресло. Хотя, скорее всего, это был кожзам, квартира была съемная.

Включил телевизор, новостной канал. Картинка была идеальной, может, поэтому он частенько смотрел именно этот канал. А может, нравились ведущие? Да, наверное, нравилось ему все: немного политики, новости, анализ событий и рассуждения приглашенных гостей. Борис закрыл глаза и откинул голову назад на спинку кресла, затем протянул руку чуть в сторону и взял со стеклянного журнального столика пистолет Макарова.

Пистолет был потрепанный просто на редкость. Почти вся вороненка на нем стерлась, то ли от времени, то ли специально, поэтому смотрелся как обыкновенная железка. Запиленный грубым напильником заводской номер, неумело и неосновательно, делал как оружие его совсем неприглядным. Но не это главное. Состояние оружия говорило о другом – паленым был ствол. Неизвестно, в скольких руках побывал этот металлический предмет, согреваясь в чьих-то грубых ладонях, а сколько раз чей-то указательный палец давил на спусковой крючок, а дикая сила порохового газа, загнанная в гильзу – маленький латунный стаканчик, вышвыривала наружу из ствола металлический цилиндрок, способный уничтожить все живое на своем пути, и сколько жизней оборвал этот небольшой металлический предмет – это было покрыто тайной. А может, и нет. Потаскали его менты лет двадцать по кобурам своим шершавым, а если где и стрелял, то только в тире по мишеням.

Борис вздохнул и подумал: «Хорошо бы». Как бы там ни

было, но другого не было. Точнее, за те деньги, которые мог отдать он за оружие, причем с глушителем, не нашел бы. Он надавил большим пальцем на скобу. Обойма с патронами высунулась из рукоятки и брякнулась на стол. Второй рукой передернул затвор, оторвал голову от спинки кресла, посмотрел на телевизор и зачем-то прицелился в дикторшу. Может, ему показалось, а может, что-то в эфире произошло, только замерла она на полуслове, словно ощутила на себе холодное отверстие ствола – черное, бездонное, неотвратимое, буквально на секунду... Улыбнулась, повернулась к собеседнику и продолжила свой разговор дальше... Борис нажал на спуск, ударник звонко клацнул, затем еще несколько раз подряд.

Опять посмотрел на часы, опять вздохнул, взял мобильный, набрал номер. Ответили ему быстро. Сразу узнал по голосу, это был он – Герман Валентинович.

– Добрый день. Я вам вчера звонил, договаривались на сегодня. Как и обещал, три. Да, буду один.

И в этот момент в трубке зазвучал зуммер параллельного вызова, Борис посмотрел на дисплей, звонила мама, переключать на нее не стал, продолжил разговор:

– Хорошо, подъеду и сразу наберу вас. Да, Герман Валентинович, всего. Кстати, какой курс на сегодня?

– Пока тот же, двадцать шесть и два. Если изменится, то после обеда, в какую сторону, не знаю. – На этом телефон Германа Валентиновича отключился.

Зуммер параллельного вызова продолжался, Борис ответил:

– Да, мама, привет.

– Здравствуй сыночек. Ну как ты там?

– Да нормально.

– Точно? Кушать есть что? На выходных приедешь?

– За питание не беспокойся, насчет приехать пока не знаю.

Дел полно.

– Что с работой?

– Ищу, мама, ищу. Ты же знаешь, сейчас это сложно. Как вы? Как папа, сестра?

– Папа на работе, Варя тоже. У Вари сейчас работы много, на дом берет почти каждый день, сидит до часу ночи, на машинке своей строчит. А так все как обычно.

– Понятно. А ты?

– Да все так же, то давление, то ноги. Может, отца в выходные к тебе отправить, из продуктов что завезет?

– Пока не надо. Если что, скажу, а скорее всего, подьеду.

– Хорошо, сынок, смотри сам, как лучше. А у нас тут снег только что пошел, ну нет тепла, зима и зима.

– Я видел, мам, на Бровары к вам такие тучи пронеслись, просто жуть. Ну все. Привет всем, пока.

Борис положил телефон на столик, закрыл глаза и опять откинул голову на спинку кресла. Нужно было собраться с мыслями. Итак, ехать! Его ждут, все готово, он тоже готов. Значит, он решился?

Вспомнил сестру – мать сказала работает Варька не покладая рук. Да и как тут замуж выйдешь. Сколько ей сейчас? Ему тридцать два – значит, Варе тридцать четыре. После школы как закончила швейное училище, так лет десять уже не разгибается. И не устроит она свою личную жизнь, сама уже не устроит. А время летит. Себя он чувствовал виноватым.

Значит, решился. Сейчас на маршрутке до ЖД вокзала доберется, а там на метро до Майдана Незалежности, на синюю ветку перейдет и до Петровки.

Борис посмотрел на пистолет. В карман, за пояс класть не стал: в метро менты могли остановить, на вокзале тоже. В прихожей взял барсетку, убрал все из нее, положил туда оружие, застегнул молнию: пистолет впритык, но зашел. Ремешок барсетки надел на руку, посмотрел в зеркало – со стороны маленькая сумочка для документов, не более. Надел кепку, куртку, вдруг вспомнил и вернулся в комнату, сдвинул стекло шкафа и вынул небольшую пачку долларов, пролистал – принтер хорошо передавал цвета – казались настоящими, положил их во внутренний карман, закрыл за собой входную дверь и вызвал лифт.

На Майдане Незалежности зашел в предпоследний вагон. Людей было не так чтобы много, но и не пустой вагон, пришлось стоять. На Петровке из вагона вышел и сразу направился сквозь упругий встречный поток воздуха приточной вентиляции и тяжелых стеклянных выходных дверей на

книжный рынок.

Герман Валентинович опять ответил сразу, спросил где и сказал, что сейчас подойдет. В лицо Бориса он уже знал, три раза менял у него Боря доллары на гривны. Курс у менялы этого всегда был немного выше, чем в обменниках, возле которых обычно и крутился Герман Валентинович, здесь же и менял. Два раза сделка совершалась на улице, на третий почему-то провел в магазинчик на вещевом рынке. Вчера Борис позвонил ему, это был уже четвертый заход, на этот раз по-крупному: если прошлые разы менял по сотке, сейчас заказал на три штуки «зелени» сразу, но с условием: не на улице – в уединенном помещении, а Борис будет один.

Неожиданно и непонятно откуда возник Герман Валентинович, не особо приветливый и разговорчивый, поздоровался, мотнул головой, словно говоря «Ходи за мной», пошел в сторону магазинчиков вещевого рынка. Борис последовал за ним. Метрах в двадцати от входа в крытых павильонах в первом же ряду вошли в уже знакомую кожно-галантерейную лавку. Герман Валентинович закрыл дверь на защелку и задвинул непрозрачные розовые занавески на стеклянной стенке. Магазинчик был полностью заставлен кожаным товаром: сумки, портфели, кошельки, ремни – все это висело, лежало и даже валялось где только можно. В дальнем углу стоял небольшой шкафчик и стол, за которым сидела женщина.

– Моя жена, – кивнув на нее сказал мужчина. – Наш общий бизнес, можно сказать, основной вид деятельности. Так

что ничего, при ней можно.

Он подошел к шкафу, открыл дверцу, вытащил несколько пачек денег и бросил их на стол.

– Три? – меняла вопросительно посмотрел на клиента и кивнул на стол с деньгами. – Здесь семьдесят восемь тысяч шестьсот.

– Три штуки баксов, как договаривались, – Борис достал из кармана пачку фальшивых долларов, перетянутых резинкой, и тоже бросил их на стол, рядом с горкой гривен. Затем расстегнул барсетку и вытащил пистолет, передернул затвор. – А теперь на пол, быстро. Пикнете – убью.

Так с протянутой рукой к долларам Герман Валентинович и замер:

– Ты серьезно, парень? – только и спросил он.

– Я сказал, молчать. На пол быстро, харями вниз, не шучу, убью.

Борис устрашающе тряхнул пистолетом и вдруг, его словно водой окатило: глушитель, вот так промашка, он не успел накрутить на ствол глушитель, разумеется, в вагоне сделать этого не мог, когда вышел на улицу – тоже, теперь в магазинчике пока было не до этого, да и просто забыл. Теперь понимал: если выстрелит – конец, на громкий звук хлопка сбежится народ из соседних лавочек, и ему не уйти. Патронов всего шесть, народу полно, станция метро под боком, менты там вооруженные, так что если парочка эта успеет сообразить, то шансы его на то, чтобы забрать деньги и благополуч-

но ускользнуть, были невелики. Значит, не дать им подумать и сориентироваться! Борис был выше и крепче мужчины, да и моложе, должен был справиться, легко, даже с двумя. Он неожиданно резко ударил рукояткой пистолета менялу по голове и тут же двинул ногой под коленку. Тот вскрикнул от боли и упал на пол. Схватил женщину за волосы и швырнул рядом, затем быстро достал глушитель и так же быстро накрутил его на ствол. Теперь все, он облегченно вздохнул. Присел рядом и уже размахивая перед их носами пистолетом с глушителем спокойно объяснил:

– Мне ваши жизни не нужны. Деньги нужны. Это понятно? Поэтому сейчас свяжу, заберу бабки и уйду. Если потом выяснится, что вы меня сдали и будут искать менты, убью: подкараулю и убью. Где меня найти, вы не знаете, где вас – я знаю. Деньги еще есть?

Мужчина с женщиной молчали.

– Повторяю, деньги еще есть? Если найду, убью. Лучше скажите, – он подошел к мужчине и ударил его ногой в бок, тот застонал, но стерпел, затем в живот ударил женщину, тоже ногой, она не сдержалась и заголосила вполсилы, Герман Валентинович ее стал успокаивать.

– Ну как знаете, – Борис открыл шкафчик и стал из него все выбрасывать.

– В столе, – мужчина, лежа на полу, приложил руку к разбитой голове и застонал.

Борис выдвинул ящик стола, там лежали два пакета. В па-

кете поменьше находилось на вид две-три тысячи долларов, в другом, объемном и увесистом, гривны, навскидку – сумма, раза в три больше той суммы, которая лежала на столе.

– Неплохо, – налетчик окинул взглядом лавку: из тех сумок, которые были товаром, выбрал средних размеров, бросил в нее гривны, доллары положил в карман, свои, фальшивые, тоже.

Зазвонил телефон, Борис вопросительно посмотрел на пленников:

– Чей? – и не дожидаясь ответа, определил, звук исходил от мужчины, вытащил из его кармана телефон, выключил и бросил в сумку, затем, вытряхнул все из женской сумочки, нашел ее телефон, тоже выключил и бросил в сумку с деньгами.

– Ну что, ведете вы себя хорошо и дальше так же продолжайте. Сейчас руки за спины, смотреть в пол. Свяжу вам руки, ноги, и все на этом. Смотреть в пол, сказал!

Герман Валентинович и его супруга лежали молча и спокойно, денег они уже лишились, теперь главное было не лишиться жизнью – пусть забирает все что хочет и уходит, только побыстрее.

Борис еще раз посмотрел по сторонам, сумка была упакована. Собственно, на этом и все. Поднял пистолет, прицелился в голову женщине и нажал на спуск, раздался негромкий хлопок, быстро перевел прицел на голову мужчины и еще раз нажал на спуск.

Умерли они практически мгновенно. Борис не хотел к ним прикасаться, прощупывать на шее пульс, просто стоял и смотрел, как они неподвижно лежали рядом. Две небольшие кровавые струйки из простреленных в головах отверстий стекали на пол и, соединившись, где-то под их телами, крохотным ручейком медленно приближались к ножке стола, но, не достигнув ее, ручеек отвернул в сторону, коснувшись и охватив островком латунную гильзу. Борис наклонился и поднял еще теплый от пороховых газов металлический цилиндр, пальцами вытер кровь и сунул в карман, прикинул, куда могла залететь вторая гильза, опустился на колени, заглянул под стол и не ошибся. Оставлять следы, а тем более гильзы, никак нельзя было, хватит прошлого раза.

В самом нижнем ящике стола виднелись какие-то бумаги, торговые документы, он порылся, нашел чистый лист, фломастер, рулончик узкого скотча и крупными буквами написал «Закрито. Переучет», подошел к двери, чуть отодвинул занавеску и посмотрел наружу: ходили немногочисленные покупатели, а главное, продавцы не стояли у дверей своих лавочек. Прилепил к стеклянной двери лист бумаги и вернулся обратно к столу, снял кепку и вытер ею все места, где могли бы остаться отпечатки его пальцев. Теперь все, он еще раз посмотрел на неподвижные тела, хотел уже уходить, но все же, подумав, присел рядом на корточки и приложив пальцы к шейной артерии, сначала женщины, потом Германа Валентиновича, убедился, что пульс у них отсутствовал. В

сумку положил барсетку с пистолетом и, повесив ее на плечо, подошел к двери, отодвинув слегка занавеску, выглянул наружу – торгаши сидели по своим магазинчикам – повернул щеколду и вышел, прикрыв за собой дверь, неторопливо прошел до конца секции крытых павильонов и вышел на улицу. Перешел через дорогу, напоследок оглянулся назад.

Теперь все позади, дело сделано, он был еще слегка на взводе, немного возбужден, но это скоро пройдет, уляжется и успокоится, он это знал. Как спланировал, так и получилось, это очень важно, незначительные ошибки были, потом их оценит и проанализирует, но в основном остался доволен, а пока уходить отсюда подальше, потом анализ, разбор, выводы, потом.

У «Макдоналдса» он остановился, достал телефон набрал «2323», через пару секунд перезвонил колбек, диспетчер заинтересовалась, откуда и куда ехать, брякнул первое, что на ум пришло:

– К Палацу «Украина».

– Ожидайте у «Макдоналдса», – сказала девушка. – Машина будет со стороны «книжки», стоимость поездки – семьдесят четыре гривны.

Ветер на улице стих как-то незаметно и сам по себе, железо на крыше уже не стучало, за окном вечерело и темнело, постепенно в соседних домах напротив вспыхивал свет за окнами, жильцы возвращались домой после работы поужи-

нать, отдохнуть, пообщаться и спать, а завтра опять на работу... а завтра все сначала.

Борис сел в кресло, включил телевизор, опустил голову на спинку, закрыл глаза. Был трудный день, но не пустой. Что теперь?

Теперь он возьмет Варю, и они поедут в «Дрим Таун», и пусть она приоденется, пусть покупает, что захочет. Она ведь красивая, просто тихая, скромная, а потому незаметная. А потом они в ресторан пойдут, хороший, дорогой, или на концерт, или в клуб какой. Нет, если Варя будет с ним, то ни с кем не познакомится. Или, может, съедят они в аквапарк? Точно. Он купит ей путевку в Турцию, в Анталию, пусть поедет отдохнет, может, там с кем и познакомится, но это чуть позже, летом, а пока приоденется и в ресторан они сходят.

Это хорошо, так они и сделают, а сейчас – возвращаясь к делам сегодняшним – все ли он сделал как надо, без проколов. А то ведь как с глушителем получилось, можно сказать, на грани провала. А что можно было сделать, везде народ? Нет, можно было. Туалет там рядом, зайти, приготовить оружие, а потом уже и меняле звонить. Впредь думать, ошибок не повторять. Отпечатки пальцев свои удалил? Удалил. Да, и кепку завтра уничтожить. Ничего своего там не оставил? Да вроде нет. А гильзы, гильзы? Гильзы забрал, в кармане куртки. Хорошо, расплющить и в мусор. Так, сумку порвал, на мусор выбросил, симки телефонные уничтожил, телефоны разбил и тоже в мусор, все как надо сделал. А ведь пи-

столет, бродяга старый, не подвел, без осечек отработал. Почисть и смазать как следует, патроны тоже. Да, патронов четыре осталось – не густо, нужно что-то думать. По деньгам для начала неплохо получилось, долларов насчитал четыре тысячи двести и гривен двести пятнадцать тысяч – неплохой улов, почти пятнадцать тысяч баксов.

Риелтора звали Коля, он был небольшого роста, щуплого сложения, длинноносый, с редкими светлыми волосами на голове, но достаточно активный. В первую же неделю забросал Бориса вариантами. Сами по себе квартиры были хороши, в местах интересных, с неплохой транспортной развязкой, но дороговаты, за пять тысяч. Для себя Борис решил: пять тысяч в месяц – это предел. Может, Коля в конце концов понял, что за пятерку не пройдет или и правда неожиданно свежий вариант проклюнулся, только Борис согласился на просмотр и остался доволен.

Встретились у главного входа ЖД вокзала. Добирались на маршрутке минут пять, ну десять от силы – недолго. За это время Коля раз десять напомнил, что тут совсем рядом, почти приехали, сразу за поворотом, можно пешком дойти, гуляя. То ли денег больше положенного срубить хотел, то ли ему самому вариант этот нравился.

Дом оказался недалеко от остановки, точнее остановка у дома, вот только этаж двадцать четвертый – высокогато, но, как оказалось, вода без перебоев, три лифта ну и вид из ок-

на – птичий полет. Поддакивать Коле, прихваливая квартиру, было нельзя. Борис просек это сразу: когда Коля слышал одобрительные «Мне нравится» или «Планировка удобная», глаза у него округлялись, а нос начинал по орлиному хищно кивать. Коля был простывшим, периодически неожиданно чихал, из носа у него постоянно свисала капля, поначалу он ее убирал рукой, незаметно, потом заметно, так как следующая тут же появлялась опять, а затем и вовсе перестал, роняя капли по квартире где попало.

Борису все понравилось: в квартире находился весь необходимый для жизни набор мебели – раскладной диван, большое кресло, столик журнальный, телевизор, шкаф для вещей и мелочей, кухня, укомплектованная необходимым набором, даже тарелками, кастрюлями, вилками и ножами, а главное – холодильник, стиралка, ну и цена приемлемая – четыре с половиной тысячи гривен в месяц. Получалось, заплатить нужно было сразу тринадцать с половиной: за первый, последний месяцы, и Коле.

Деньги он занял у родителей, тридцать тысяч, а если точнее, у Вари – основной доход в семью приносила она. Сказал, помощь от них потребуется максимум на три месяца, за это время устроится на работу и постепенно отдаст.

Вариант на Соломенской и правда оказался неплохим – и центр города рядом, до вокзала рукой подать, да и район сам по себе неплохой, рядом рынок, магазины.

На третий день после заселения пошел прогуляться по-

сле обеда по окрестности, дошел почти до Воздухофлотской, взял чуть правее к вокзалу и вдруг прямо перед собой увидел оружейный магазинчик. Решил зайти. Окинул взглядом зал, торговые прилавки и остановился у пневматики. Продавец оказался приветливым, готов был и рассказать, и показать, и посоветовать:

– Пневматикой интересуетесь?

– Да вроде того, – Борис не знал пока, с чего начать и что ответить.

– Выбор большой. Наше, импортное, российское производство. Может, что-то конкретное интересует?

– Интересует, – продавец ему импонировал, как-то сразу расположил к беседе, в зале никого больше не было, ни покупателей, ни продавцов, только этот парень. – Интересуюсь редкими образцами оружия, коллекционного плана.

Продавец усмехнулся:

– Мушкеты, пистоли?

– Да нет, более современное, что-то вроде вальтер, смит вессон, браунинг, кольт интересной модели.

– Я вас понял, но у нас пневматика, назвать ее коллекционной нельзя. Макарова, ТТ, беретта не оригиналы, это копии.

Борис понимающе кивнул:

– А... где? Кто? Все-таки в этой сфере вращаетесь.

Продавец задумался:

– Точно, конечно, не скажу, но посоветовать могу: посе-

тите оружейник на Маяковского, там хороший, большой магазин, ассортимент широкий, есть что посмотреть, выбрать. Ну а с кем там можно побеседовать? Спросите Сергея, продавец-менеджер, может, что-то и посоветует, – немного подумав, добавил: – Потом еще, как вариант, на Святошинский рынок подъехать можете.

– Прямо на рынке?

– Не скажу, где точно, какой номер, но павильончик там есть один, по ремонту пневматики, всякую всячину туда тащат, может, что и коллекционное попадает, не знаю.

– Спасибо, помогли, конечно...

– Да, собственно-то, и ничем.

– Знаете, хороший совет дорогого стоит. Ничего, если я на Маяковского Сергею на вас сошлюсь?

– Можно, – продавец беспечно улыбнулся. – Скажите, от Олега.

Борис вышел на улицу, пешком дошел до вокзала и на маршрутке вернулся домой.

Нет, на Маяковского к менеджеру Сереже он пока не поедет, даже если что-то и выгорит, то недешево будет стоить, а денег у него не густо. Вариных на три месяца за квартиру, да своих, вернее, почти своих сбережений шестьсот долларов, а вот на Святошино можно было и прокатиться.

Найти кого-то, кто знал о павильончике по ремонту пневматики на Святошинском рынке, оказалось делом непростым. Одни вообще об этом ничего не знали, другие что-

то слышали, третьи советовали узнать поточнее где-то там у Коли, которого, как потом оказалось, звали Ваней, ну а Коля, который Ваня, торговал поясами, заклепками, зонтиками и предложил свои услуги, сказал, что тоже ремонтирует зонтики и пневматическое оружие в том числе. Пришлось ему объяснять, что поломка серьезная, деталь редкая и уже договорено с мастерами. Ваня долго не хотел упускать клиента, но все же сдался и рассказал, как пройти в мастерскую. Это было непросто: рынок – своего рода небольшой городок, со своими улицами, перекрестками, «площадями», увеселительными заведениями, со своими районами, центральными, с приличными, добротными павильонами и окраинами, с перекошенными, старыми постройками магазинчиков и ларечков, еще девяностых.

Оружейная мастерская оказалась в одном из таких захолустьей. Хорошо ориентир был – пивнушка рядом, это и помогло Борису окончательно выйти на искомую точку. Он изрядно находился по торговым закоулкам-переулкам и, уже не думая, с чего начнет и как спросит, вошел в мастерскую.

Оружейников было двое. Один сидел за ремонтным столом, склонившись над разобранный винтовкой, другой за письменным что-то писал в тетради в крупную клетку. На вошедшего они не отреагировали и, похоже, реагировать не собирались. Борис это понял и потому вынужден был заявить о себе сам.

– Здравствуйте. Вы оружием занимаетесь?

Тот, который писал, так же, не переставая писать и не отрывая головы от строчек, ответил:

– Да.

Было ясно: своим вопросом Борис собеседников не раскачал к диалогу. Не делая паузы, он продолжил:

– Пистолеты продаете?

И опять последовало лаконичное:

– Да.

– Мне нужен пистолет и патроны. Боевой.

Вот теперь, можно сказать, он и дождался, сдвинул процесс с мертвой точки, это было видно по тому, как оба замерли, затем после короткой паузы переглянулись, и тот, который писал, уже с интересом посмотрел на вошедшего:

– А вы откуда? Кто?

– Да как бы сам по себе.

– Кто нас посоветовал?

– Нашлись добрые люди.

– Мы не торгуем, как вы говорите, боевым оружием и никогда не торговали. Ремонтируем пневматику, не более.

– Значит, напрасно я два часа колесил по рынку, разыскивая вас?

– Выходит, что да, – оружейник выпрямился и расправил плечи, видно, поза с авторучкой над тетрадью слегка притомила его. – Но может, кто-то и торгует, рынок большой, народу всякого хватает.

– Был бы благодарен за совет, – Борис понял, дело дохлое:

какой дурак ему вот так продаст ствол с патронами. Ну, ничего, попробовал, других вариантов все равно не было.

– Совет? Советом помочь можно. Совет – всего лишь совет, – как бы сам себя успокаивая заметил оружейник.

Борис только пожал плечами:

– Понятное дело, за этим и пришел.

– Тогда так, совет будет стоить сто гривен. Получится там у вас, не получится, нас не касается. Согласны? Буду звонить?

– Конечно.

– Попрошу подождать на улице, – оружейник взял со стола мобильный. – Звонок, сами понимаете, не публичный.

Борис вышел из павильона и отошел чуть в сторону, осмотрелся. Сразу почему-то этого не сделал, а следовало – не колбасу пришел покупать. Если ребята эти вызовут ментов, надо бы знать, куда бежать. Теперь, конечно, поздно: разобраться в этих рыночных лабиринтах вот так вот сразу нереально, придется рвать куда попало. Хотя если менты нагрянут, они дело свое знают, обложат все входы-выходы. Может, валить, пока не поздно?

В Броварах, скорее всего, он нашел бы ствол, решил бы этот вопрос наверняка, там было к кому обратиться, но светиться в родной округе не хотел, за ним там присматривали. Был еще вариант: Студебеккер, кореш по зоне, дал наводочку, но ехать для этого в Херсон он не захотел. А может, и надо было.

Дверь лавочки открылась, оружейник вышел на улицу, посмотрел на экран телефона, положил аппарат в карман и пошел к незнакомцу.

– Я позвонил тут некоторым людям, сами они такими вещами не занимаются, но сказали, пришлют человечка, может, что-то у вас с ним и получится, – оружейник посмотрел по сторонам. – Это все, что я смог.

– Куда пришлют? – Борис тоже посмотрел по сторонам.

– Да нет, в этом плане не переживайте. С нашей стороны подставы не будет. Я ведь тоже не знаю, кто вы?

Борис понимающе кивнул:

– Ждать-то где?

– В кафе. Вот в этом кафе, в пивнушке. Садитесь за столик, можете покушать, пивка выпить. Хотя я бы не рекомендовал.

– Что именно?

– Кушать там и пить.

Борис пять кивнул:

– Тогда я пошел?

Оружейник смущенно улыбнулся, на пальцах показал, а словами добавил:

– Сто гривен.

Возможно, это был не тот вход, потому что внутри явно на кафе похоже не было, помещение не имело окон, свет исходил от матового стекла межкомнатной двери. Резкий запах гнили, испорченных продуктов и еще непонятно чего уда-

рил в нос и заставил Бориса остановиться. Через несколько секунд глаза стали привыкать к темноте, и невнятные очертания каких-то громадных предметов постепенно превратились во вполне различимые предметы. Похоже, это была кладовка или склад, стулья и столики для летнего кафе стопками поднимались до потолка, кое-где валялись просто так, впере-мешку с зонтами от солнца. Старая мойка, покосившись, стояла на трех ножках, на ней лежало несколько расслоившихся деревянных полок, почерневших от влаги и времени, а из дальнего угла помещения доносились звуки возни, сопение, приглушенный смех. Там были люди, у которых можно было спросить, куда он попал. Борис подошел ближе и теперь рассмотрел. На старом топчане бородатый мужик пытался взобраться на лежащую на спине женщину, периодически отталкивая ногой другого мужика, пытающегося ему в этом помешать, второй падал, кряхтел, шатаясь, долго вставал на ноги, и не сдавался, женщина тихо хохотала низким просевшим голосом, периодически повторяла: «Прэзент. Победителю прэзент».

Борис понял, что его не замечают и на вопросы тоже не ответят, вышел на улицу и замер, зажмурившись от внезапного солнечного света и свежего воздуха. Обошел вокруг кафе, нашел еще одну дверь, с небольшой малозаметной вывеской над ней «Солод», открыл ее и оказался там, где надо.

Посетителей было мало, свободных столиков несколько, сел за один так, чтобы была видна входная дверь, и тут же

к нему подошел официант. От еды и пива отказался, попросил сигарету, спички и маленькую бутылочку воды. «Миргородской» не было, «Моршинской» тоже. Попросил принести, какая есть. От стакана отказался – в то, что их здесь как следует моют, он не верил.

Обещанный человек появился, не успел Борис и полбутылки воды выпить, уверенно подошел и сел за стол напротив. Попросил закурить.

Борис курил мало, изредка, под настроение, привыкания к табаку, как у настоящих курильщиков у него не было, потому сигареты постоянно и не покупал, и не носил с собой. Он подозвал официанта и попросил принести сигарету для его собеседника.

Человек закурил не торопясь, жадно заглотнул дым и так же не торопясь выпустил его в потолок, затянулся еще и только потом произнес:

– Сто грамм нальешь?

– Не налью, – коротко ответил Борис.

– Жаль, – человек покрутился на стуле, склонился ниже к столу и негромко продолжил: – То, что тебе надо, люди сказали, есть. Просили уточнить, с глушилкой?

– Да.

– С глушилкой двести баков, без – сто пятьдесят.

– С глушилкой.

– Бабки с тобой?

– Да.

– Покажь.

– Обойдешься.

– Хорошо, так и передам.

– Когда и где? – Борис уже начинал жалеть о том, что приехал сюда и связался с проходимцами, иметь дело с подобными типами не хотелось и не имело смысла, становилось понятно, со стволом здесь ничего не получится, потраченное время и нехорошие впечатления были гарантированы, но хочешь не хочешь, а начатое теперь нужно было доводить до какого-то конца.

Человек подозвал официанта и попросил налить ему сто грамм, опять затянулся сигаретой, да так, что закашлялся и выбросил окурок под стол. Официант принес рюмку с водкой поставил на стол и остался стоять рядом.

Не поднимая глаз человек произнес:

– Больше ничего не надо.

– Заплатить бы...

– На мой счет запиши, – человек был явно недоволен и, может, даже раздражен, цыкнул зубом и казалось, что сейчас сплюнет на пол, посмотрел вслед уходящему официанту и добавил: – Наглый. Стал как столб. Может, у нас разговор конфиденциальный.

Что дальше, Борис не знал, или разговор на этом можно было считать законченным, или продолжение следовало?

– Так где и когда? – на всякий случай повторил он свой вопрос.

Человек сделал ладонью знак паузы, взял рюмку и опрокинул содержимое в горло, закрыл глаза и сморщил свою небритую физиономию, глубоко втянул ноздрями воздух и неприлично громко крикнул, затем протянул к собеседнику руку и попросил:

– Загрызнуть дай.

Борис окинул взглядом перед собой стол и непонимающе развел руками...

– Дернуть дай?

Теперь он понял, чего хотел этот пройдоха, и отдал ему свою недокуренную сигарету, человек несколько раз глубоко затянулся и опять бросил окурочек под стол.

– Теперь слухай меня, я банкую, – незнакомец опять склонился над столом и негромким голосом пояснил: – Через полчаса подойдешь к мосту. Как выходишь из метро, идешь к мосту и направо вдоль моста, там под эстакадой дверь железную увидишь, череп на ней нарисован, электрическое помещение, вот туда и заходи, я там буду с товаром. Лады?

Борис согласно кивнул. Человек встал из-за стола, большим пальцем назад через плечо указал в сторону барной стойки:

– Заплати за меня, – и направился к выходу.

В пластиковой бутылочке еще оставалось немного воды, Борис не торопясь допил ее, затем тоже вышел на улицу, покинув наконец это затхлое, прокуренное помещение. Идти и искать железную дверь, как объяснил ему человек из

кафе, он не стал, сделал это иначе, вышел к мосту, уходя правее сквозь рынок, петляя по улочкам, натываясь неожиданно на тупики и закоулки. У последнего ряда магазинчиков, которые заключительной чередой тянулись вдоль дороги, он остановился и занял наблюдательную позицию, прильнув плечом к рельефной стенке павильона. Там, на другой стороне дороги, и была дверь под эстакадой, ведущая, скорее всего, в электротехническое помещение. Как ни странно, но все же он дождался, минут через пятнадцать, совершенно незнакомый ему тип мужской наружности подошел к щитовой, оглянулся по сторонам и прошмыгнул за дверь, а минут через пять показался уже знакомый ханыга из кафе. Борис подождал некоторое время, по его прикидкам, в общей сложности прошло минут сорок, выждал промежуток в автомобильном потоке и перебежал через дорогу, подошел к металлической двери, правую руку опустил в карман куртки, нащупал кастет, надел его на пальцы и несколько раз крепко сжал, укладывая плотно в ладонь, левой рукой приоткрыл дверь и вошел в помещение, оставив дверь чуть приоткрытой. Разумеется, окон там не было, сбоку прямо из стенки торчала покрытая толстым слоем пыли лампочка, тускло освещая щитовую. За небольшим столом, накрытым листом темного текстолита, сидел человек, и, хотя глаза у Бориса к темноте еще не привыкли, похоже, что это был тот, из кафе.

– Пришел? – ханыга положил на стол перед собой писто-

лет Макарова и рядом глушитель. – Все, как договаривались. Думал, кидану? Все по-честному. Бабло принес?

Борис, не поворачивая головы, окинул взглядом щитовую: серые бетонные стены, бетонный потолок, своего рода бункер, кроме них двоих, больше никого не было, хотя третий где-то находился наверняка, а вот в то, что перед ним на столе лежал пистолет, не верилось, но действительно было так, ханыга не соврал.

– Обойма с патронами?

Человек повернулся к нему вполборота:

– Я на лоха похож? Все есть. У меня в кармане. Бабки где? Двести баков, как договаривались.

Борис опустил левую руку в боковой карман, достал двести долларов по сотке и положил на стол рядом с оружием, и вдруг мелькнула тень справа, у него за спиной. Машинально он чуть присел, и над головой просвистела чужая рука, это определило местоположение противника, и Борис воткнул кулак левой руки куда-то в туловище, незнакомец вскрикнул схватился за живот и опустился на пол. Затем, увидев, что ханыга встает из-за стола, видимо, в надежде что-либо предпринять, правой коротко замахнулся и ударил кастетом его в висок, тот даже не дернулся, медленно повалился набок и, соскользнув сначала на стул, упал на пол, другой к этому времени уже очухался, удар был не сильный, и, смекнув, что дело его дрянь, бросился к двери, но не сделал и двух шагов, левой рукой Борис перехватил его ударом в горло и тут же

изо всей силы добавил кастетом сверху по голове куда-то в темечко, после чего тот рухнул на бетонный пол, как подкошенный, возможно замертво.

Обойма с патронами действительно оказалась в кармане человека из кафе и еще два патрона в придачу просто так. Борис вставил обойму в рукоятку пистолета, навинтил на дуло глушитель, передернул затвор и выстрелил в голову сначала одному, затем другому торговцу оружием, забрал со стола свои деньги, плечом открыл дверь, перебежал через дорогу и углубился в рыночные лабиринты.

Пришлось опять плутать среди павильонов, не запомнил он дороги к оружейной ремонтной мастерской, да и как можно было запомнить, если все вокруг одно и то же. Толку от того, что павильоны были под номерами, не мог он сориентироваться ни по номерам, ни визуально. Вспомнил про кафе, вот название кафе он помнил – «Солод», и только после того, как спросил и объяснили в какую сторону идти, нашел; не сразу, но нашел.

Оружейных дел мастеров застал он в том же положении и состоянии, в котором и оставил час назад. Колокольчик отреагировал на открывание двери жалобным перезвоном, заставив старшего по бизнесу оторваться от записей в тетради и посмотреть на посетителя. Увидев вошедшего, он выпрямился, положил ручку и скрестив руки на груди заметил:

– Это вы? Что-то не так?

– Да нет, наоборот. Удачно все, зашел сказать спасибо, –

Борис достал из-за пояса пистолет, с глушителем.

– А? Это лишнее, – оружейник, привстав на стуле, вытянул вперед ладонью руку. – Вот это нам видеть не надо.

Борис поднял оружие и прицелился оружейнику в лоб, тот, что-то хотел сказать или крикнуть, но не успел, пуля пробила ему череп, голова чуть откинулась назад, затем плавно опустилась вперед, на тетрадь, заливая строчки красным цветом. Другой просто сидел и смотрел на Бориса, он не стал, кричать, убегать, прыгать куда-то в сторону, падать на пол, просто сидел и не моргая смотрел широко открытыми, от удивления глазами. Он смотрел в глаза незнакомца, словно искал в них ответ на простой, но очень значимый вопрос – за что? Борис нажал на спуск.

До Соломенской он добирался на маршрутках. Вышел на одну остановку раньше, зашел в магазин, купил продуктов.

Дома пожарил яичницу с колбасой, закипятил воду для чая, поужинал и только потом, усевшись в кресло, разобрал пистолет. Оружие, затертое от времени и старости, с изрядно изношенными деталями, не внушало доверия, каждый последующий выстрел мог быть последним, понятно, что это риск для любого дела, осечка в самый неподходящий момент или заклинивание механизма могли привести к последствиям просто непоправимым. Но другого пока не было. С патронами тоже ситуация выглядела не лучшим образом: оставалось шесть – негусто. Возможно, раздобыть боеприпасы было и легче, чем оружие, но в любом случае требовался на-

дежный, отработанный канал. Пока такого не было. И хотя в Киеве сейчас подобного добра хватало – тащили из Донбасса чуть ли не тоннами: и пистолеты, и автоматы, и пулеметы и даже гранатометы – опять же требовался канал. Много ему не надо, но вот что-то понадежнее, поновее, да патронов в достаточном количестве – это да.

Итак. Наследил на рынке он, что называется. А что было делать, отыскать гильзы в щитовой не имея фонарика, просто не реально, в мастерской лазить по заваленным всяким хламом углам не было времени, в любой момент кто-то мог войти, и тогда еще одна жертва, да и патроны – на счету каждый, и потом, долго ствол этот держать при себе он не будет, еще одно, от силы два дела – и избавится. Менты будут пытаться как-то свести эти убийства между собой, но кроме того, что гильзы из одного оружия, больше ничего не увяжут, как бы ни старались. Спишут на местную разборку. Не ожидал он, что прокатит так легко со стволом, хотя по большому счету не стоило затевать все это, тем более на рынке. Но все уже, ствол – вот он перед ним на столе, патронов негусто, но пока хватит. И впредь не оставлять гильзы, это закон. Что еще? Особого внимания к себе на рынке он не привлекал, как и все там по рядам шастал. Хотя нет, официант из кафе «Солод» видел его с тем ханыгой за столиком, а ведь не подумал как-то сразу. Видел. А значит, проблема, и решать ее надо. Или плюнуть и забыть? Можно всю жизнь прожить и больше нигде с ним не встретиться, а могут завтра лбами

столкнуться. Вероятность ничтожна, но есть. Что бы сказал Студебеккер? Сказал бы – подчищай.

От метро «Выдубичи» до Чапаевки ехал минут тридцать на автобусе.

Бродил по авторынку, не понимая, какую машину хотел бы купить. Выбор был большой. Водительское удостоверение Борис имел с двадцати лет. Отец тогда сам предложил и выделил для обучения на курсах деньги. Дальше учиться Борис не пошел, как он считал, способностей не было, школу и ту с большим натягом закончил. В армию не взяли – с рождения у него были проблемы с почкой, получил права профессионального водителя, и вперед, трудиться.

После окончания курсов работал сначала на бортовом «газоне», устроился в «Горзеленстрой», недолго поработал, с полгода, потом знакомые по курсам предложили в частную фирму перейти на «камаз», зарплата там была значительно выше и возможности получше. Возил стройматериалы непосредственно с заводов-изготовителей, в основном цемент, который затем расфасовывали по различным упаковкам и опять развозили, уже по торговым точкам. Потом... Потом попал в тюрьму, через два года вышел на свободу, и вскоре

опять посадили, уже надолго.

Борис не знал, какую машину хотел бы купить, но понимал, исходя из той суммы, которая была у него после ограбления менялы на Петровке, недорогую. Все деньги потратить на автомобиль он, конечно, не мог, но машина была нужна. На одной из площадок стояли недорогие иномарки. Разные. Были и японские, и корейские, и европейские – весь автопром мира. По цене, году выпуска, состоянию, мощности, остановился на «форде-фокусе». Несколько автомобилей посмотрел досконально, насколько это было возможно, послушал, как моторы работали, в салонах посидел, ходовую покачал и на этом остановился почти окончательно. Продавец просил за машину три тысячи триста долларов, за три стоговорились. На всякий случай Борис походил еще по рынку, посмотрел другие автомобили, пока не забрел к павильончикам запчастей, повеяло откуда-то дымком шашлыков, и резко захотелось мяса. Пошел на запах и вышел к небольшому кафе. Заказал гриль из курятины и стакан сока. Посетителей было много, однако ему повезло: когда входил, компания из трех человек освободила места. Затем подсели к нему еще два посетителя. Друг другу не мешали, проблема у соседей одна обсуждалась – покупка стального коня, даже кстати послушать было.

Что ел, что не ел, двести грамм оказалось мало, но больше заказывать не стал. Еще раз взвесил свое решение по «форду»: как ни крути, а вариант был самый подходящий, со всех

сторон. Конечно, машину придется отогнать в мастерскую, досконально проверить у профессионалов. На скатах продавец хорошую скидку делал – все четыре покрышки менять нужно, возможно, аккумулятор тоже, ходовую уж точно перебрать придется, так что затраты будут, машина не новая, 2004 года выпуска, а хотелось, чтобы была в идеальном состоянии.

Нотариальных киосков на рынке было несколько, однако пришлось походить между ними в поисках того, в котором очередь была меньше. Оформление генеральной доверенности заняло около часа. Для Бориса это был лучший вариант покупки. Переписывать на себя машину он не хотел, тогда регистрировать пришлось бы в Броварах, а это, во-первых, дополнительные расходы, время, а во-вторых, светиться своим именем не хотел.

Рассчитывались в машине, ему достались доверенность и техпаспорт и, конечно, автомобиль с ключами, бывшему хозяину авто – деньги, и на этом распрощались.

На удивление, машина резво катила по Академика Заболотного, двухлитровый мотор работал ровно и негромко, подвеска мягко амортизировала на неровностях дороги. В салоне было достаточно тихо, окна Борис не открывал, с улицы веяло свежестью. Хотя автоматические стеклоподъемники работали исправно, все же проверил: опустил немного стекло и, пожившись от холодного потока, закрыл обратно. Кондиционер не включал, прежний хозяин говорил, что ра-

ботаает, но пока необходимости в нем не было, а вот печка грела, и очень кстати. Покупкой Борис был доволен, за такие деньги – неплохой автомобиль.

На Теремках проскочил развязку и дальше уже ехал по Кольцевой. Включил радио, и оно тоже было в исправном состоянии, спокойная, отдыхающая музыка расслабляюще звучала из динамиков, как заметил ведущий, радиостанция называлась «Лаунж ФМ».

Перед Жулянами повернул направо на Воздухофлотскую, и теперь эта дорога должна была вывести его Соломенскую. Местами асфальт был разбит после зимы, местами плохо залатан, узкая и с плотным движением дорога в обе стороны уже не давала расслабиться за рулем и получать должного удовольствия от вождения. Зато у аэропорта и дорожное полотно, и разметка были безукоризненны, да и вообще сами Жуляны отремонтированы, отделаны по последнему слову – радовали и не только пассажиров.

Борис один раз был в аэропорту – просто так, посмотреть. Все там сверкало, блестело, светилось, звучало, двигалось и поднимало настроение. А главное – самолеты: они стояли за окном – турбореактивные, крылатые красавцы, а люди не спеша шли на регистрацию, проходили контроль, а затем в пахнущих отделкой салонах усаживались в кресла, пристегивались ремнями и взмывали высоко в небо, за облака, вверх к ослепительному солнцу. Он тоже полетит когда-то, обязательно, и тоже почувствует, как, последний раз вздрогнув

на бетонной полосе, самолет оторвется колесами от земли и, взяв круто вверх, устремится ввысь.

Не доезжая Севастопольской площади, слева увидел автомастерскую. Решил заехать. Кататься по городу в поисках чего-то особенного не собирался, на любом СТО могли быть хорошие мастера, а тут еще и рядом с домом. Перед въездом в мастерскую на небольшой площадке уже стояли две машины, Борис припарковался рядом, закрыл дверь и вошел в помещение.

Один из подъемников уже был занят автомобилем, внизу под ним работали два мастера, второй – свободен. За стеклом отдельного помещения, отгороженного от ремонтной зоны частично фанерной, частично стеклянной перегородкой, перед монитором компьютера сидел мастер. Увидев Бориса, он оставил на столе очки и вышел на встречу:

– Здравствуйте. Что-то интересует?

– Да, день добрый, – и недолго думая Борис продолжил: – Машину сегодня купил. По моей оценке, неплохое состояние, но хотелось бы знать и мнение специалистов.

– Какая машина?

– «Форд-фокус». 2004 год выпуска.

– Можем провести диагностику?

– Да. Полную. Если потребуется ремонт – ремонтировать.

– Детали чьи?

– Если можно, и работа, и запчасти ваши. Я бы хотел прийти и забрать уже в отличном состоянии автомобиль. Это

возможно?

Мастер усмехнулся:

– За ваши деньги из «форда» сделаем «мерседес». Шучу, конечно, но в порядок приведем. Машина здесь?

Борис кивнул на ворота:

– По времени как будет?

– Если ничего серьезного, дня два, от силы три, – предположил мастер. – Диагностику проведем, детали закажем, когда все доставят, поставим,отрегулируем, и забирайте.

– По деньгам?

Мастер опять не задумываясь ответил:

– После диагностики составлю калькуляцию, позвоню вам и скажу, сколько будет стоить и работа, и детали. Что точно, то цены у нас умеренные, я бы сказал – демократичные, а работу делаем на совесть.

Борис согласно кивнул:

– Когда можно?

– Да хоть сейчас, – мастер указал на подъемник. – Пока свободен.

Следом за ним в лифт вошла молодая женщина лет тридцати. Борис нажал кнопку своего этажа, дверь захлопнулась. Девушка смотрела на него, он в потолок. Смотрел на лампочку. За стеклом матового плафона светила только одна лампа из трех предусмотренных. Светила слабо, должно быть, уже на последнем издыхании, и в любой момент могла перегореть, и тогда темнота полная. «Только не сейчас», – поче-

му-то подумал он.

Зачем она так явно на него смотрела? Он ведь это видел боковым зрением достаточно хорошо. И было это не то чтобы совсем неприятно, но и не в удовольствие уж точно. Во всяком случае откровенный и пристальный взгляд было трудно и понять, и расценивать. Он ее не знал и уж точно видел в первый раз. Так рассматривать незнакомого человека по крайней мере было неприлично, если не дерзко, более того, далее она вдруг подняла руку, указывая пальцем ему в грудь. Борис был просто вынужден перевести взгляд с потолка на девушку. Неожиданно он понял в чем дело и отодвинулся в сторону, освобождая доступ к кнопкам.

– Живете здесь? – спросила девушка и нажала кнопку девятого этажа.

Борис согласно кивнул. Складывалось впечатление, что она знала всех жильцов в доме, по крайней мере в этом подъезде.

– Далеко забрались, – она продолжала смотреть на попутчика.

Борис опять кивнул.

– Наверно, вид из окна хороший?

Он хотел сказать ей, что да, отличный, не хотите ли полюбоваться, но вовремя себя одернул, а вдруг девушка откликнется на его приглашение, и что тогда? Нет, все же промолчал. Не дождавшись ответа, она отвернулась, лифт остановился, дверь открылась, незнакомка вышла, повернулась

напоследок и заметила:

– А я вас запомнила, – створки дернулись, и дверь закрылась.

С какой стати запомнила? Даже как-то немного ему стало не по себе. Зачем ей его запоминать? Просто брякнула? Да, но смотрела-то как! Он что, подозрительно выглядит? Не внушает доверия? При чем здесь доверие?!

Борис открыл дверь, вошел в квартиру, в прихожей посмотрел на себя в зеркало. Лицо как лицо – не красавец, не уродец, на лбу шрам, на верхней губе тоже, нос кривоват, был поломан, но все равно не уродец, а шрамы – они ведь, как известно, только украшают, мужчину. На голове несколько отметин – сколько, он не помнил и не знал, были скрыты под короткими светлыми, чуть выющимися волосами. Сложение у него было покрупнее среднего, даже где-то атлетическое от природы. И что ей не понравилось? Как для себя, с его точки зрения, выглядел он ничего, и доверие внушал, и положиться можно, он бы положился, а выражение лица спокойное, уверенное, располагающее. Странная. Зачем так смотреть?

От станции метро «Лесная» до Броваров ехал на маршрутке. Автомобиль был в ремонте. Мастер позвонил после одиннадцати дня, сказал, что «форд» будет готов завтра к вечеру. Скаты, аккумулятор и другие запчасти закупило СТО, за опт еще и скидку получили. Ремонт действительно выходил не очень дорого: как говорил мастер, цены у них были демократичные. Какие демократичные, а какие нет, Борис не знал, но общая сумма с деталями и работой составила семнадцать тысяч гривен, в долларах примерно шестьсот пятьдесят.

На машине домой, в Бровары, Борис все равно не поехал бы. Не время. Значило бы только на лишние вопросы натолкнуться да сомнения заронить у родных. Хорошо, не с пустыми руками в дом родной шел – уже не стыдно. Нет, позволить, чтобы думали, что на Вариной шее сидеть собрался – он не допустит. Варя, конечно, не против... Да и родители, пока могут помогать, возражать не будут. А вот он – нет! Да и нелегко им, наверное, сейчас. Отец уже три года как ушел из автопарка после перенесенного инфаркта. Теперь не пил

совсем. Долго восстанавливался. Только года полтора назад устроился в супермаркет на легкий труд – тележки собирать на парковке, так пока там и трудился. А вот мать никогда и нигде не работала, всю жизнь ее суставы мучали, по инвалидности копейки платили, но, как могла, домашнее хозяйство тянула. Варя – молодец, умница! Благодаря ей относительно спокойно и уверенно жили они. Как пчелка трудилась, с утра на работе, в цеху швейном, вечером дома строчила, неплохо зарабатывала, а вот личной жизни никакой. Почему? Не хотела? Не стремилась? А может, в нем все дело? Его вина? Видимо, да. А ведь знал, понимал: один раз попадешь на зону – и все.

Борис смотрел в окно – они въезжали в город. Замелькали бетонные высотки новостроев, магазины, магазинчики, киоски, торговые павильоны, рекламные плакаты, вывески, баннеры. Быстро так все расстроилось, преобразилось, и как быстро привыкаешь к этому, как будто так и надо, как будто так все и было прежде. А ведь когда на второй срок пошел, когда пятнашку дали, думал о том, как все изменится, когда вернется домой: чужим все станет, не его... Пятнадцать лет – это ведь срок!.. И будут ли живы родители... И не постареет ли Варя, сестричка... И вот приехал. Правда, раньше на шесть лет и один месяц. Неделька прошла, и привык, словно и не покидал родной городишко.

Вон там, за киосками, вдоль тротуара, на Семенова, чуть ближе к дворам овощная сетка была. Теперь ее нет... За ней,

за сеткой, все и произошло. Они встретили его случайно, того крепыша из столицы. Он приехал и через полгода уже права качать стал. Слышал Борис, как по районам прозвище его зазвучало, подминал он пацанов местных, и стая вокруг него уже сбивалась нехилая. То, что сойдутся они скоро, было понятно, только где, при каких обстоятельствах – вопрос.

Это вышло случайно. Нет, не искал тогда крепыш с Борисом встречи, это факт, хотя бы потому, что было их трое, а Борис с корешами – вчетвером. Случайно встретились за сеткой овощной, а значит, и решать вопрос, кто круче, нужно было там и в тот момент.

Они пили вино с горла, по кругу пуская бутылку. Для этого хорошее там было место: рядом гастроном, парковка, автомобили у обочины дороги, народ, снующий по пешеходному тротуару, а за павильоном – тишина и покой; со всех сторон деревья и кустарник, а дальше – забор из стальной сетки – районного детского сада.

Вечерело. Собрались, скинулись, взяли вина. Водку не пили. Пили, конечно, но редко, если праздник какой, за столом, под закуску, а так, за углом, без закуси особой, вино хорошо шло, с горла. А что потом? Слонялись по улицам. Хорошо было, весело, настроение – блеск. Смеялись по любому поводу: палец покажи – до слез ржали, вот дебилы были! Слонялись не просто так: искали, так, между делом, между веселухой, лохов и виноватых. Своих не трогали, а незнакомых цепляли. Особо не нагтели, предлагали добавить на пи-

во. Обычно не отказывали, а если кто возражал – наказывали. Тоже не сильно: два, три удара и пинок под зад. Деньги при этом не забирали, ума хватало, в случае чего могло потянуть на разбойное нападение. Если через время наказанного опять встречали, уже сам на пиво предлагал. А вот своим доставалось иногда по полной, но это уже за дела, за грехи или долги, если мотив был, вина висела. Таких били, причем порой безжалостно, потому как было за что, и они это понимали. Короче, нормально было, для тех, кто не хотел учиться и работать – самое то.

Странно, раньше он и не задумывался, но как-то все это само собой работало, организовывалось, развивалось. Да не думали они о том, что район контролировать нужно, кого-то на бабки садить, над кем-то суд вершить. Просто жили, вино пили, на пиво брали, ну и били. Хотя и проблемы иногда возникали с парнями из других районов. Было дело, случалось, разбирались потом, но так, чтобы толпа на толпу, не было: то ли бабками решали, то ли спиртным, но утрясали конфликты.

Борис опять посмотрел на то место, где раньше овощной ларек был, а теперь стоял большой торговый павильон с детскими товарами.

Не хотел крепыш выяснять на тот момент отношения и уже почти ушел: повернулся, и пацаны его за ним двинулись, но Борис не дал, остановил, слегка унизив:

– Куда, Бессарабка, штаны менять? Обделался?

Прозвище у крепыша была Бессараб. Жил он раньше в центре Киева, в районе Бессарабки, потом с родителями переехали в Бровары. Почему оставили столицу, он не знал, да и не интересно это было.

Борис был спокоен, может, потому, что с горла бутылки вина уже хлебнул, может, потому, что численностью их было больше, а может, потому, что желал он этой встречи, а значит, и готов к ней был, а вот крепыш дрогнул – он это понял. И не только он, все поняли, потому и был спокоен.

Умел Бессараб держаться, это факт. Голова чуть приподнята, губы ниточкой, глаза прищурены, а взгляд колючий, как укус, осанка чуть ли не царская. За это уважуха. И молчал. И будет молчать, первым и слова не промолвит.

– Чужой ты здесь Бессараб. Чужой. Это наш город. Выросли мы здесь. Наши районы, наши улицы. Мы тут порядки устанавливаем, – Борис передал бутылку с вином назад, товарищам, опустил руки в карманы джинсов, правой ощутил холодную сталь кастета. – Я не хочу слышать здесь твое имя. Понял? Не хочу. Исчезни. Ты должен отвалить.

Бессараб не торопился с ответом, хотя что-то сказать нужно было, отмолчаться все равно не получится.

– А я разве тебе мешаю? Пацанов твоих тронул?

– Пока нет. Но это пока. Что завтра будет – не знаю. Два района подмял ты уже под себя. Не так, скажешь?

Крепыш промолчал. Что правда, то правда. Два района были его, и то, что останавливаться на этом он не хотел, то-

же правда, и претензии со стороны Ковы, Бориса, он тоже понимал. Если толпа на толпу, Кова проиграет: их и по численности меньше, и бойцы сами по себе у него не те, да и не бойцы они вовсе, какие они бойцы, ни дисциплины, ни порядка, ни подготовки, так, хулиганье, шпана местная. Но сейчас другое, и вопрос иначе стоит. Не может Бессараб уйти, вот так взять повернуться и уйти – это поражение, потеря авторитета, крах, да и не в его это правилах. Но один на один – результат под вопросом. Кова дерется как зверь, ходят слухи – непобедим, во всяком случае, пока в Броварах его еще никто не одолел. Бессараб тоже не подарок – и силен, и смел, и удар держит, как говорят, и боли не чует. И если Кова в бою безбашенный, то Бессараб расчетлив, рассудителен и хитер. А значит, исход под вопросом. Да и не готов был сейчас Бессараб к поединку, не готов в первую очередь морально: не думал он об этом, не анализировал, не просчитывал, не обыгрывал варианты. А зря, ведь понимал: в городе только Кова и был для него серьезным противником.

– А что делать, если люди ко мне тянутся, – Бессараб еле уловимо ухмыльнулся.

Еле уловимо, но Борис просек издевочку. Нет, не отвертится Бессараб, драке быть, и сейчас! То ли вино долбануло по мозгам, то ли ухмылочка эта задела, то ли бес разыграл, озлобился Борис, кулаки сжались, и только силясь сдерживал себя от броска на противника.

– Так что скажешь, Бессарабка? Что пацанам твоим пере-

дать? Другое занятие ты нашел, чем с ними по улицам болтаться? Так, что ли?

– Я с пацанами своими сам разберусь. Для них ты никто.

Борис усмехнулся:

– Что еще скажешь?

– А для меня не указ. А если в рожу хочешь, готов помочь.

– Ну вот и поглядим, – Борис снял куртку и отбросил ее на ближайший куст.

Бессараб же не стал свою снимать, остался в курточке, короткой и легкой, из темно-синего кожзама, видно, не боялся попортить. Пацаны отошли подальше, освобождая место для драки, мешать, помогать запрещалось категорически – один на один в чистом виде.

Противники сблизилась до дистанции, с которой уже полшага было достаточно для того, чтобы удар мог достичь цели. Руки в кулаках держали по-боксерски перед собой. Правил никаких не было. Бей как хочешь, куда хочешь и чем хочешь, ногами, руками, но только не ножом. На ножах – это уже совсем другой уровень, это отдельный договор и означало бой насмерть. Сейчас была просто драка, кто победит – остается, кто проиграет – уходит! Все просто и на равных.

Борис знал, Бессараб будет стараться перевести поединок в борьбу, в его арсенале было несколько хорошо отработанных борцовских приемов, захватов, мог поломать руку, или ногу, захватить шею и удушить, Борис знал это и периодически делал выпады вперед с отвлекающими ударами то с пра-

вой, то с левой, тут же отходя в защиту. От природы Кова был не по возрасту силен, крепок и ловок. От природы он обладал чутьем, чутьем предвидения поведения и действий противника. Он знал, что думал противник, знал, что замышлял, куда нацеливался и в какой момент готов был к действию. Как это получалось, объяснить не мог, но пользовался способностью этой умело и выгодно.

Несколько раз уже Бессараб, низко наклонившись, шел вперед, пытаясь захватить ногу соперника, но получал по затылку и отходил назад, поднимая руки к голове для защиты, на случай последующих ударов.

Предпоединочное состояние казалось Борису более волнительным, тревожным и напряженным, чем сам поединок. Обычно с первых же секунд драки ему становилось понятно, с кем имел дело. Если на обманном движении противник тушевался, вдруг закрывал глаза запаздывая с отходом в защиту, становилось понятно: был легкий вариант, и тогда все шло в удовольствие, в развлекуху, в кошки-мышки, и выбор, когда ударить, куда и как, оставался за ним. Но если противник не моргающим, цепким взглядом следил за малейшим движением соперника и на удар мгновенно отвечал ударом, задача осложнялась, и выманить, оттянуть на ошибку и точно ударить, да еще и самому не получить становилось непростой задачей.

Крепыш опять сделал два выпада, Борис только ушел. Он специально выставлял то левую, то правую ногу вперед и

затем с небольшим запаздыванием, отходя, убирал их. Крепыш клюнул, и уже в который раз. Собственно, другого варианта у Бессараба и не было. Он не доставал кулаком, длина руки не позволяла, пару раз попробовал, но вхолостую, подойти ближе – означало подставиться, Борис превосходил его ростом, и рука была длиннее, но захватить ногу и перевести поединок в борьбу – это то, на что он сейчас нацеливался, он смотрел в глаза Кове, но видел его ноги, и Кова это чувствовал.

Бессараб опять попытался броситься к левой ноге Бориса, но на этот раз получил удар навстречу, снизу, прямо в нос, ноги в коленках дрогнули, но устоял, отпрыгнул назад, тряхнул головой и злобно ухмыльнулся и тут же опять бросился к ноге Бориса, и опять получил удар, уже сверху по затылку, упал грудью на землю, мгновенно перекатился в сторону и вскочил на ноги. Теперь Кова, не дожидаясь, пока соперник окончательно придет в себя, подсел, пошел вперед и вынырнул уже на ударной дистанции, воткнув кулак правой руки куда-то под левый глаз, затем левым крюком очень сильно ударил по печени Бессараба, но оказалось – мимо: крепыш успел отпрянуть назад и опять злобно ухмыльнулся, под глазом начинал проявляться синяк, из носа чуть сочилась кровь. Наверное, он понимал, что проигрывает, не достанет Кову, не втянет в борьбу, а значит – конец. Проиграть – это потерять все, авторитет, уважение, власть, пацанов, районы, и казалось, что терялся в этот момент смысл всей жизни, по-

тому, что жить ему здесь дальше, в этом городе, ходить по этим улицам, гулять в парках, отдыхать в кафе, встречаться с девчонками. Но как, если будет побит, унижен и осмеян. А пацаны его стоят и все видят, и надеются, и верят в него. А может, еще не все потеряно, а может, еще получится срубить этого Кову? И откуда он взялся на его пути, да кто же он такой, этот Кова, почему так дерется? И ведь никто из себя, шпана, неуч, бездельник, архаровец. И Бессараб бросился вперед, нанося удары без разбору, прямые, боковые, затем вперемешку прямой, боковой, апперкот, прямой, боковой. Несколько ударов достигли цели, Борис просто не ожидал такой прыти, он по-прежнему ждал борцовских захватов и слегка просчитался, затяжная серия посыпалась на него неожиданно и довольно беспорядочно, ничего не оставалось, как уходить в глухую защиту, а затем резко в сторону и опять в сторону, затем в другую, назад и потом, улучив момент, присев, он словно выстрелил, правый прямой, точно в подбородок. Удар был вразрез, сильный, неожиданный и точный. Бессараб как-то вдруг обмяк, удары наносить продолжал, но вяло, по инерции, эти удары уже ничего не значили для Ковы, коротко, не замахиваясь, Борис нанес правый боковой в челюсть и затем в другую, тоже боковой, но слева, ударил, что называется, изо всей силы.

Бессараб упал на спину. Пытаясь поднять голову и как-то приподняться, беспорядочно шаря вокруг себя руками и дергая ногами, словно ища опору под собой.

– Все. Сдулся Бессараб, – констатировал один из корешей Бориса, Витя Малек.

Малек был альбиносом. Очень светлые волосы, почти белого цвета, прямые и удлиненные, опускались чуть ли не до плеч, бесцветные брови и ресницы и неопределенного цвета глаза, это все выделяло его из толпы и бросалось в глаза. Под стать как своей кликухе, так и фамилии, был и мелкого роста, и мелкого сложения, но горд, заносчив и колок на слово, что порой приводило к щекотливым ситуациям, из которых выпутываться приходилось не ему, а уже всем вместе. За остроумие, сообразительность, гибкость ума и фантазии, а также смелость, отчаяние и самоотверженность его любили и поэтому все прощали.

Кова постоял немного над Бессарабом, подождал, когда тот наконец приподнялся и, сидя на земле, периодически потряхивая головой и почесывая затылок, старался прийти в себя, затем подошел к товарищам, взял у Малька бутылку вина отпил несколько глотков, промочив горло.

– Да, похоже на то, – Борис сделал еще глоток и вернул бутылку.

Малек тоже отпил из горлышка и добавил:

– Товарища можно вычеркнуть из списка, – посмотрел на корешей Бессараба. – Эй, пацаны. Вы это чучело знаете? Мы нет. Как тебя зовут, неудачник? Мусор. Он мусор. Предлагаю поставить окончательную точку на карьере этого придурка, выбросить его в мусорный бак, его место среди мусо-

ра и дерьма. А? – Малек вопросительно посмотрел на Кову.
– Да ладно, пошли, – Борис снял куртку с веток куста, отряхнул ее и надел.

Они уже подошли к углу ларька, еще секунда, и скрылись бы за поворотом, когда сзади вдруг злобный, приглушенный голос Бессараба остановил их:

– Постой, Кова. Разговор не окончен.

В это было трудно поверить, после такого нокаута продолжать поединок было просто невероятной глупостью, но то, что это прозвучало, все слышали. Кова остановился и повернулся. Бессараб уже стоял на ногах, пригнув голову и злобно улыбаясь, сунул руку в боковой карман куртки, и, описав короткую дугу, раскрывшись в его ладони, сверкнуло лезвие ножа. Теперь стало понятно, почему Бессараб остался в куртке, в кармане был нож, и он намеренно оставил этот вариант на крайний случай, который теперь для него и наступил. Значит, не исключал применение ножа с самого начала драки.

Бессараб уже летел на него, выставив вперед лезвие, благо расстояние было между ними достаточным и Кова успел достать из кармана кастет, надеть на кисть, успел отвести левой рукой нож в сторону, а правой кастетом вмазать Бессарабу под глаз. Было видно, как кожа на его лице от глаза и почти на всю щеку лопнула, и из раскрывшейся раны брызнула кровь. Бессараб вскрикнул и выронив нож, схватился за щеку. Борис ударил кастетом еще раз и еще, Бессараб рухнул

на землю без сознания, повалившись набок, Кова склонился над ним продолжал бить кастетом по голове, потом ногами по туловищу, потом опять по голове. Бессараб приходил в сознание, что-то бормотал, двигал беспорядочно рукам, ворочался на земле, а Кова опять бил кастетом по голове, и опять, пока тот не затих без движения. Малек оттащил Кову в сторону, забрал кастет:

– Все, все, – он перепуганно смотрел на неподвижного Бессараба. – Хватит. Остынь. Убьешь ведь.

Борис отдышался, посмотрел по сторонам, его пацаны стояли возле киоска, ошеломленно глядя на происходящее, кореша Бессараба чуть поодаль, перепуганно созерцая поверженного ватажка, не зная, что делать и предпринять.

– Вина глоток дай? – Борис посмотрел на Малька.

Тот только развел руками:

– Да все. Нету. Валим.

– Тогда уходим?

Когда вышли из гастронома, рядом с овощным павильоном стояла «скорая помощь». На носилках санитары принесли Бессараба, закатали в машину и повезли в больницу.

Далеко уходить они не стали, в сетке забора была дырка, пролезли сквозь нее на территорию садика, устроились в деревянном домике рядом с песочницей, открыли вино. Кто-то притащил гитару, стемнело, подтянулись еще пацаны. Бренчали по струнам, что-то хором подвывали. Потом послали еще за вином. Борис пил, но немного, тяги к спиртному у

него никогда не было, так, чуток, за компанию, для настроения, под базар легкий и непринужденный, но сейчас настроения не было, даже больше, состояние душевное было просто паскудное. Пока было неизвестно, жив ли Бессараб вообще. Борис понимал, что перестарался, переборщил, тем более кастетом. Но Бессараб на него с ножом пошел, значит, сам и виноват. Да, но Бессараб уже был не боец, мозги поплыли после нокаута. Дурак, зачем нож достал!

Малек разливал портвейн по бумажным стаканчикам, ржал и нес белиберду. Это было нормально, но сейчас раздражало, Кова ткнул локтем его в бок:

– Малек, нож Бессараба где?

Тот замолчал, задумался:

– Да там, кажись, остался.

– Кастет мой где?

– У меня.

– Сюда давай. Спрячу.

Бессараб не умер, но в реанимацию попал. Несколько дней там пробыл, пока перевели в общую палату. Сначала сняли побои, потом менты пришли – написал заявление, отец его настоял. А потом суд был. В деле ни нож, ни кастет не фигурировали – так решили обе стороны, так было лучше для всех. Потом судья зачитала обвинительный приговор. Как-то не торжественно это выглядело, но тревожно до дрожи в коленках, а судья читала с листа сбивчиво, без выражения, временами теряя в словах буквы и окончания. В

зале людей было мало, чуть в стороне от других сидели его родители и Варя. Мама плакала тихо и незаметно, Варя перепуганными, полными слез глазами смотрела на судью, как на бога, теребила в руках платочек, судорожно всхлипывала, роняя на юбку слезы, часто и глубоко вздыхала, словно ей не хватало воздуха.

– ...За нанесение тяжких телесных повреждений, приведших пострадавшего к длительной нетрудоспособности, Коваль Борис Сергеевич приговаривается к двум годам лишения свободы, с отбыванием...

Автобус остановился Борис вышел на остановке и направился в сторону своего родного дома. Затем вдруг остановился, подумал развернулся и пошел обратно. Метров на триста вернулся, к тому месту где раньше стоял овощной павильон, к тому месту, где много лет назад и произошел поединок с Бессарабом, к тому месту, от которого жизнь сделала крутой поворот и теперь несла его неизвестно в какую сторону, так случилось, и уже ничего не изменишь. А может, не тогда, так в другой раз произошло бы что-то подобное, и загремел бы он на нары при любых стечениях обстоятельств. Как ни банально звучало, но это называют судьбой.

А время течет, все меняет, и даже здесь, возле детского садика, как-то все выглядело уже не так, как раньше, хотя те же кусты, деревья, но не такие, и сетка забора, может, сильнее пожелтела от ржавчины, да дыр в ней стало значительно больше, а деревянные домики, скамеечки, песочницы от по-

жухлой облезлой краски выглядели неухоженно и старо: все меняет время, что-то вытесняет и чем-то другим заполняет, где-то лечит, а где-то убивает.

Дверь открыл своим ключом – домой ведь пришел. Целовались, обнимались, словно сто лет не виделись, хотя всего месяц, как дома не был, скорее оттого, что очень надеялись и верили в то, что все же завязал Борис с прошлым. Мать с Варей на кухню ушли стол готовить, они с отцом на балкон. Отец закурил.

– Батя, не бросишь никак?

– Да вот, сын, никак. Пить завязать куда проще оказалось, а курить не получается, понимаю, что надо, что вред большой, а тянет, и все, так тянет, не передать.

Борис смотрел во двор, в котором прошло его детство: словно все, как вчера. Вон там – садик, в который мальцом его водили, чуть дальше, за девятиэтажками – школа, в которой рос и выросел от года к году, в которую с такой неохотой по утрам тащился и радостный галопом мчался после занятий домой. Потом чуть постарше стал – уроки прогуливал, задания не выполнял, потом драться стал и всех побеждал, даже старшеклассники его уважали и конфликтов с ним избегали.

– На работе как, батя?

– Нормально на работе. Тележки собираю, не спеша, до кучи. Работа не сложная, правда, и платят соответственно, зато для здоровья не вредная.

– Курить, конечно, бросай.

– В этом вопросе ты в мать пошел, – отец усмехнулся. – Курить не любитель, да и к спиртному особо никогда ты не тянулся. А вот силушкой в меня, правда, не тот я уже, что прежде.

– Молодец ты батя, молодец, выкарабкался, уважаю.

– Да, нелегко было, думал – конец. Пронесло, значит, нужен пока я тут.

– Нужен, конечно. Все мы друг другу нужны.

Потом сидели за столом, обедали, и без спиртного. Со-скучился Борис по домашней еде, почти всухомятку каждый день, а тут на первое суп с галушками, на второе вареники с картошкой и луком в масле! Он только ел да вздыхал от удовольствия. Он ел, родные тоже, но больше ждали. Борис вздохнул опять, положил вилку, выпрямился и расправил плечи:

– Все, больше не могу. Ну накормили, ну спасибо. На месяц вперед.

Мать с Варей только благодарно улыбались, смотрели на него и ждали. Борис понимал, достал из кармана небольшой сверточек, положил на стол:

– Это деньги, спасибо, очень помогли, возвращаю, – и, видя, что напряжение не спадает, продолжил: – На работу устроился.

Наконец-то они слышали то, чего ждали, и облегченно, чуть ли не хором, вздохнули. Варя вспорхнула со стула, обо-

шла вокруг стола и сзади обняла брата:

– Мы так рады, Боря. Ну, говори, рассказывай.

– Небольшая фирма по изготовлению металлоконструкций. Я занимаюсь продажей металла: уголок, арматура, у них и склад есть тоже. Вроде как менеджер по продажам я. Уже недели две, как работаю. Вот вроде как получается. Зарплату дали, ну и аванса взял немного наперед, вам вернуть, не хочу на шее сидеть, да и так, купить себе кое-что надо.

– В Киеве? – отец понимающе кивнул головой.

– Да. На Куреневке, за Подолом.

– Значит, нормальная жизнь налаживается, вот как надо понимать, – и отец посмотрел на родных так, словно чудные предсказания его начали сбываться. – Квартиру снимает, работа есть, а там, глядишь, и женится. А? Борька?

Борис, только пожал плечами:

– Другое сказать хочу.

Все вдруг, настороженно затихли.

– Посмотрите на Варю. Посмотрите, – он лукаво усмехнулся. – А ведь красивая какая она у нас. Из себя вся ладная. И по дому хозяйюшка. Вот такую найду, женюсь. Мам, что не так разве?

Мать только бросила на дочь беглый взгляд да на сына:

– Красавица Боря, мы знаем, только не вылезает из-за своей машинки, как прикованная, сколько лет кряду подряд. Мы уже отчаялись.

– Вот и я об этом. Спасать Варю надо.

У Вари удивленно округлились глаза, слегка смутилась она, но не растерялась:

– Вот у кого не знаю, а у меня как раз все как надо, и не хочу я ничего другого, привыкла я уже так, и нравится мне все, как есть. И к чему эти все разговоры? Мы о тебе, Боря, сейчас.

– Мы о всех нас, Варя. У меня предложение.

Она вернулась и села на свой стул:

– Какое?

– Давай в следующие выходные как-то культурно проведем время с тобой, не дома. Например, кафе, магазины, кино?

Варя, конечно, не ожидала подобного поворота, ну не о ней сегодня речь, другие в центре внимания, за него, за Боря все переживают, о нем мысли у всех, и покоя не дают, причем уже более десяти лет. И так все надеются, так хотят верить, что изменилась у него жизнь, наладилась, и теперь заживут они одной большой и дружной семьей. Об этом хотелось думать, но она боялась, боялась спугнуть то крошечное и, казалось, такое уязвимое и хрупкое верование в ту новость, которую принес он сегодня, потому что это было важно, это было главнее. А что кафе, кино, так это неожиданно и необычно, конечно, приятно, конечно, радуется, хотя, если честно, и дожилась, и досиделась.

– Например, в субботу, созвонимся и встретимся. Хочешь, давай в «Дрим Таун», – Борис посмотрел на мать.

– Она поедет, сынок, – и положила свою маленькую и очень теплую ладошку на его огромный кулак. – Обещаю.

– Мама... – Варя возразила в голосе, но как-то не совсем твердо.

Они сидели в кафе японской кухни, безнадежно неумело оперируя палочками. Варя сдалась первая, отложила в сторону деревянный инструмент и жалобно проныла:

– Я есть хочу.

Борис пытался не сдаваться, смотрел по сторонам на соседей, экспериментируя, по-всякому меняя положение и хват непослушных деревяшек. Вот у других получалось, у них нет, и хотя ничего там мудреного не было, но не давались, как ни крути, как ни вставляй их между пальцами, не слушались они. Оставался последний вариант: в каждую руку Борис взял по палочке и опять только приподнял, ролл выскользнул и шмякнулся в соус, развалившись на куски и разбрызгав темно-бурую жидкость по столу.

– Все, сдаюсь, – он тоже отложил в сторону палочки и посмотрел на пробегающую мимо официантку.

Варя только усмехнулась:

– А вдруг вилок здесь не дают?

– Тогда будем есть руками, – и Борис прицелился пальцами.

Через минуту подошла официантка с вилками, она по опыту знала, с какими трудностями иногда сталкивались клиенты в их заведении, и поинтересовалась, когда нести кофе и пирожное.

Вот теперь они облегченно вздохнули, привычный инструмент позволил оценить все достоинства японского блюда, правда, не хватало еще хлеба, но просить уже не стали. Когда с роллами было покончено, Борис достал телефон, включил камеру и навел на сестру.

– Хочу тебя сфотографировать. Ты сегодня обалденно выглядишь.

– Думаешь?

– Просто сияешь.

Борис сделал несколько кадров, отложил телефон в сторону:

– Хочу, чтобы фотка твоя всегда со мной была.

Варя достала из сумочки и свой телефон:

– Я тоже хочу, чтобы ты со мной был.

Борис отрицательно покачал головой:

– Давай потом, позже, пусть волосы немного отрастут, а то как зек.

Они почему-то рассмеялись и продолжали смеяться, глупо и беспричинно, а Варя потрепала его по коротко стриженным волосам:

– Ну не болтай, не болтай...

Они шли по «Дрим Тауну» в направлении выхода ближе к

станции метро «Оболонь». Вечер удался. Купили много. Костюм Варя, джинсы, кроссовки, туфли, босоножки, платье, юбку, кофточки самые различные, и духи не забыли, много разного накупили. Борис шел обвешанный, как Дед Мороз, пакетами и коробками. Вот как желал он, так и получилось, шопинг удался, а Варя – она осталась не то что довольна, пожалуй, даже была немного потрясена! Правда, устала, заметно, но это была приятная усталость, и даже кухню японскую, несмотря на некоторые трудности, с удовольствием они отведали, особенно когда в руках вилки оказались. А кофе – не пил Борис такой кофе никогда раньше! Какой аромат! А какой вкус – насыщенный, изысканный, может, потому, что дорогой – Борис так официантке и сказал: самый дорогой и со сливками.

Он нес покупки и вертел головой по сторонам, если честно, то от магазинчиков и нескончаемого холла между ними в глазах уже рябило, ноги у Вари ныли от усталости, а примерять что-либо уже не то что не хотелось, одна мысль об этом приводила в уныние, Варя устала, наверно, никогда в жизни за один раз она так много не проводила времени в магазинах и не перемеряла такого количества одеяний.

И все же у сувенирной лавочки Борис остановился, сложил пакеты у двери, попросил Варю постоять рядом, а сам вошел в магазин. Он не знал, что хотел, ощущение было, что чего-то не хватает, но чего именно, даже какой категории, не понимал. Пробежал взглядом по прилавкам, полкам – товара

много было разного, но все не то, уже собрался уходить, когда на столике, накрытом золотистым бархатом, среди костяных шахматных фигурок, латунных кубков и прочей мелочевки и побрякушек бросилась в глаза небольшая композиция величиной с пол-ладони, из двух фигурок. Борис попросил посмотреть. Две фигурки, девушка в цветастом длинном испанском платье, причем из натуральной материи и парень в костюме тореро с гордо поднятыми головами застыли в танце, плотно прижавшись спина к спине.

– Варя, это тебе, небольшой сувенир, – Борис показал ей испанскую композицию. – Я хочу, чтобы у тебя было такое же платье. Ну как?

– Мне нравится, – Варя повертела в руках фигурки. – Какой гордый. Такой же широкоплечий, как ты.

– И такая же хрупкая, как ты, – добавил он. – Это брат и сестра.

– Да ну?

– Правда брат и сестра, посмотри, как похожи.

Варя только усмехнулась и добавила:

– Как мы с тобой. А платье не сегодня будем покупать?

– Нет, ну если ты скажешь...

– О нет, если мы сейчас не уберемся отсюда, будешь нести меня на руках, ноги просто отваливаются, – Варя вставила фигурки в коробочку и спрятала в своей сумочке. – А по большому счету, Боря, я потрясена. Ты мне устроил праздник! Нет, это просто карнавал! Ну а что, столько нарядов!

Спасибо, братик.

Ей не хотелось говорить на эту тему, болезненно острую, неприятную, но понимала, что не удержится, особенно сейчас. Не удержалась и сказала:

– Борь, ты такой хороший! Мы тебя так любим, так ждали. Не оставляй нас. Держись! Пожалуйста. Забудь и не возвращайся туда никогда. Не оставляй нас больше. Не оставляй меня. Обещаешь?

– Варя, ну что ты. Я ведь работаю уже, как самый нормальный и обыкновенный человек. Конечно, обещаю, сестричка.

Такси подъехало чуть ли не мгновенно, видимо, дежурил неподалеку. Боря усадил Варю на заднее сиденье, разместил покупки в багажнике, дал таксисту четыреста гривен и наказал пакеты девушке до квартиры помочь донести.

«Форд» стоял почти у самой станции метро «Оболонь», забравшись правыми колесами на тротуар, у киоска по ремонту часов. О машине Варя не знала, и правильно сделал он, что не сказал, она и так в то, что на работу устроился, где-то там, на каком-то подсознательном уровне под сомнением оставляла, а потому и была эта вера хрупкой такой, он это чувствовал, просто на грани. И перевалить за грань, на ту сторону, очень просто было малейшим неосторожным словом, действием или поступком. Автомобиль пока оставался в тайне, как и многое другое тоже было скрыто от родных, да и как им можно было объяснить, что другого уже быть не может и никогда не будет. Десять лет тюрьмы вот так вот

просто не проходят, тем более строгача. Возврата в этот простой и обыденный мир у него не было. И это правда.

Он сел за руль, запустил мотор, соскочил с тротуара, за вторым «Дрим Тауном» развернулся и поехал через Оболонь в сторону Московского проспекта. К себе на Соломенскую можно было добраться несколькими путями. Решил по набережной. Домой не торопился, а там и с ветерком прокатиться можно было вдоль Днепра, и свежего воздуха глоток вдохнуть, простор речной глади охватить, ну, и подумать. А подумать было о чем.

Деньги таяли, оставалось после всех расходов покупок и возврата долгов примерно если в долларах, то чуть больше пяти тысяч. Где взять деньги, что проверить, он пока не знал, и Студебеккер молчал. Как с зоны он вернулся, так от него ничего и не было, хотя одно сообщение все же прислал, интересовался как Кова обустроился, велел ждать. С оружием тоже проблема, ствол ненадежный, сильно изношенный, патронов всего четыре осталось, ехать в Херсон не хотелось. Вариант на Маяковского – к продавцу Сереже по рекомендации Олега неплохой: это – не просто с улицы. Тогда на Воздухофлотской, да и на Святошинском рынке просто в лоб пошел, повезло, прокатило, а ведь могли и стукануть. Хотя тоже не так уж и гладко там все сложилось, вспоминать не хотелось: четыре трупа, и свидетель официант нерешенным остался. Ханыга тот из кафе, ведь рубль за сто, велели ему босы ствол продать, а он, дурила, решил Бориса обидеть и

пару сотен за просто так срубить. А может, не случайно прокатило и там, и там, не стукнули на него, может, действительно в связи с событиями на Донбассе полно оружия сейчас гуляет по стране, и товар в избытке, а значит, и покупатель каждый ценен и не лишний? Может, следовало рискнуть еще раз и подъехать в оружейный магазин на Маяковского?

Лейтенант Кордыбака Валентин ехал на своем «сузуки SX4» по проспекту Перемоги в сторону Святошинского рынка. Общение со следователем районного РОВД ничего ему не дало. Нового ничего не узнал и не услышал.

После того как выяснилось, что на вещевом рынке Петровки двойное убийство было совершено предположительно из того же оружия, что и на Святошинском, Аранский отправил его в Святошино, потоптаться там на месте, носом повертеть по ветру, с людьми потолковать тамошними. Ни Аранский, ни Кордыбака связать между собой эти убийства не могли. Идентичность мотивов не просматривалась. Если на Петровке как-то еще понять можно было – вооруженное ограбление частного менялы валюты, то на Святошинском – полная непонятка. Два трупа в электрощитовой и два на самом рынке в оружейной лавке. Связать там эти два объекта не получалось, ничего общего как по содержанию, так и по положению. Ну ничего общего, кроме оружия. Если брать по убитым, то ситуация аналогичная, в электрощитовой – скользкие личности, босота, пьянчужки, в киоске – мастера

оружейники, причем один из них владелец павильона, другой его работник, специалист своего дела. Деньги и ценные вещи остались нетронутыми на местах преступлений как в одном, так и в другом случае.

Валентин понимал, что его появление на рынке ситуацию не прояснит, с другой стороны, если приказано – нужно выполнять. А то, что оружие в преступлениях этих одно фигурировало, так тоже с большой натяжкой определялось. Пятьдесят на пятьдесят давали криминалисты по исследованиям пуль. Гильзы на Петровском рынке не нашли, забрал их преступник, позаботился об уликах. Грамотно сработал, если можно так сказать, не только гильзы, убрал за собой все, кроме деформированных пуль в жертвах, ни пальчиков, ни следов оружия, даже телефоны убитых с собой забрал. А ведь в тех телефонах мог быть и его собственный номер, сукин сын. Да и по действиям преступника лично он, Кордыбака, не очень-то связывал эти преступления. На Святошинском, в электрощитовой, сначала избил жертвы, затем застрелил. Почему избил? Так поступают, когда хотят наказать. А кого наказывают? Провинившегося. Обычно подобная босота в чем-то да провинившаяся и ходит, но интересно другое, выходило так, что знал их преступник раньше, избил за дела какие-то прошлые, а затем застрелил. Ну и последнее, были ли преступник один? Говорят, что один. Кто говорит? Реально свидетелей нет. А как говорят? Примерно так: «Вот если бы чужой кто болтался здесь, а тем более группа, уж точно

обратили бы внимание». Но это же рынок, кто тут только не шляется.

В оружейной мастерской оружейников, можно сказать, просто уничтожил, с ходу вошел и застрелил, они как сидели на своих местах, так там и легли. Гильзы остались на месте, из одного оружия были стреляны, что в электрощитовой, что в оружейной мастерской, тут уж факт стопроцентный, а вот на Петровском рынке ситуация была иная: вооруженное ограбление там было спланировано, причем заранее и подробно, с подготовкой, после чего преступник устранил все следы, гильзы в том числе, и ушел, тихо, никем не замеченный. Вот только одна общая идентичность у всех этих преступлений и присутствовала: все жертвы были застрелены в голову, и одним выстрелом. Случайность, совпадение или правило у него такое, шаблон.

Машину Валентин оставил у рынка на стихийной парковке, решил в первую очередь навеститься с визитом к Сипе. По неофициальным данным Сипа контролировал рынок. В каких пределах, объемах, Валентин не знал, но то, что имел там авторитет и вес, это точно. Собственно, Аранский сам сказал, чтобы проведаль Сипу, с него начал. Может, что знает, как-никак на его территории бойня разыгралась. Районные оперативники беседовали с ним, сразу, еще по горячему, сказал тогда, что и сам не понимает, кто и за что, а поскольку уже почти две недели прошли после преступления, может, и всплыли какие детали, подробности. Сам Сипа не придет

и не расскажет, ехать надо, ходить по рынку, высматривать, выпрашивать, вынюхивать. Где искать его, Валентин знал – в ресторане «Фудзияма», тем более время подходило обеденное.

Столик Кордыбака выбрал в полусумрачном и дальнем углу зала. Ждал недолго, только и успел достать телефон, просмотреть пустые сообщения, как подошел официант, предложил меню, но, с ходу оценив посетителя, сукин сын, добавил:

– Или комплексный обед? Бизнес-ланч?

Изучать меню Валентин не стал: в еде не то что привередлив не был – в «Фудзияме», он знал, что ни возьми, все вкусно будет. Меню даже смотреть не стал:

– Можно ланч, комплекс.

– Комплексов три вида, есть борщ, картофель с крылышками...

– Любой давай, без разницы.

Официант одобрительно кивнул, развернулся уходить, но Кордыбака придержал:

– И Сипу позови.

Официант пожал плечами.

– Позови-позови. Скажешь, от Аранского.

Быстро как-то здесь все работали: официант еще не принес обед, а Сипа уже появился, подошел к столику и замер в ожидании. Кордыбака кивком указал на стул напротив:

– Если Сипа, присаживайся.

Сипа отодвинул стул на почтительное расстояние от стола и сел, удобно устроившись.

– С кем имею честь?

Авторитет был небольшого роста, щуплого, сухого сложения, коротко подстриженный, но не лысый, лицо обыкновенное, жизнью тертое, выражение сдержанное, но не равнодушное, знал и цену себе, да и место. Смотрел почти не моргая, глазами во взгляде пустыми и прохладными. Гостю явно рад не был, но внимание уделить мог. Интерес был, а какая именно оказия подбросила мента к ним, не понимал. Но уж точно хорошего ничего это не сулило. Голос был сиплым, но не по природе, крайне низкой тональности. С его фигурой это плохо вязалось, а вот с лицом – вполне.

Кордыбака на всякий случай достал блокнот и ручку, положил на стол рядом с телефоном.

– Я лейтенант Кордыбака Валентин. По поводу убийств на вашей территории. Четыре трупа.

– Товарищи ваши из РОВД были, интересовались. Что знал – сказал. А точнее ничего не знаю. Самому интересно.

Что мог сказать Кордыбака этому мужику лет пятидесяти, тертому жизнью калачу, а может, и стреляному да травленному, чем взять – не то что не знал, представления не имел: ни предъявить, ни выудить, ни надавить. А взгляд у мужика был тяжелый, вязкий, неуютный, и ведь не нарочито, ну просто вот такой сам по себе.

– Я знаю, что вы не знаете. Ну а вдруг. Может, за это время

что-то вспомнили, или с рынка что дошло?

Сипа словно замер, смотрел то ли на Валентина, то ли рядом. Разговор не вязался, застывшая обездвиженная позиция собеседника на Кордыбаку действовала магически: неосознанно поменял он свое положение тела, но ощущение дискомфорта не проходило. Было ясно: эта встреча смысла не имела, и хотел он уже сказать «Ну нет так нет...» да заняться обедом, но Сипа словно очнулся.

– Может, что даст, – он отмер и, казалось, даже немного задумался.

– Что именно?

– Официант у нас тут есть в пивной, на территории рынка, как раз у лавки той оружейной. Где-то за час до мочилова встречался Букет с чужаком в пивной, обслужил официант их. Не было его раньше на рынке нашем чужака того и потом тоже. Он положил народ, или кто другой, точно не известно, но то, что Букет с чужаком встречался – факт.

Кордыбака открыл блокнот и крупными печатными, каллиграфически правильными буквами написал: «БУКЕТ. ЧУЖАК». Понятно, что не вдруг вспомнил Сипа факт этот, а сидел и думал, отдать ниточку эту следаку или нет, все же решил поделиться, значит, резон для него был.

– Ну вот. Уже что-то. А Букет это кто?

– Один из тех, кого в щитовой положили.

– Так, – Валентин одобрительно закивал головой. И вот так всегда, по опыту, пусть небольшому он уже знал. Снача-

ла, кажется, дело гиблое, и никто, и ничего, и ловить нечего, а начинаешь щупать одного, другого, и что-то да выплывает, вот как сейчас – прямо сразу, на первом, да еще на каком! Угрюмый до безобразия, а порадовал, и вопросы возникать начали. – Я так понимаю, Букет – это прозвище? Кто такой, чем занимался, как с рынком связан был, что о нем рассказать можете?

Сипа недовольно хмыкнул:

– В ваших следственных бумагах все значитя – и фамилия Букета, и всех остальных тоже. И чем занимались.

– И все же?

Сипа ничего не ответил. Достал из кармана телефон, встал со стула и отошел в сторону. Набрал номер, что-то, кому-то сказал, затем вернулся к столу, но садиться уже не стал:

– Официант сейчас придет из забегаловки той. На все вопросы по поводу Букета и корешей его ответит. Он публику эту лучше знает, чаще с ней сталкивается и дела имеет. Больше ничего сказать не могу. Самому интересно, кто это сделал. Хотел бы знать, а еще больше увидеть, – и кивнул в сторону выхода. – Я пошел?

Кордыбака решил не возражать – что мог или хотел, Сипа сказал.

– Ну все, так все. И на том спасибо.

Авторитет хмыкнул, повернулся и неторопливо удалился.

Тут же был подан обед. Как и ожидалось, приготовлено все было лучше, чем просто хорошо, Валентин покушал и

вкусно, и с удовольствием, дополнительно к комплексу заказал сладкого и чашечку американо. Посмотрел в блокнот: Чужак и Букет. Новые детали. Про Букета кое-что было известно: в протоколе указывались его фамилия, имя, а вот то, что встречался он с кем-то неизвестным в пивнушке незадолго до кровавых событий – деталь новая и весьма интересная, настолько интересная, что захотелось ему позвонить Аранскому и порадовать, но не стал – успеет. Не исключено, что и другие частности всплыть могли. Делать какие-либо предположения по той встрече даже и не пытался: пока не имело смысла.

Кордыбака съел добротное наслажденное шоколадное пирожное и сидел теперь, просто потягивая кофе, не менее приторное, чем кейк: по своей неопытности он не рассчитал сахар из дозатора. Керамическая чашка была неудобной – широкая, толстостенная и без ручки, раскрашенная яркой светло-зеленой глазурью японской вязи. В зале было мало посетителей – еще пять человек на другой стороне зала. Опять пролистал сообщения, все пустые, посмотрел в окно, на часы, повертел телефон в руках, положил рядом с блокнотом. Наконец появился тот, кого он ждал. Это был молодой парнишка, лет двадцати пяти. Официант в зале беглым взглядом указал ему на Валентина.

Он сидел на том месте, где только что угрюмо смотрел и сипел севшим горлом на Кордыбаку святошинский авторитет, и выглядело это несколько символически, как ему каза-

лось: вот оно, новое поколение, которое займет место прокуренного, пропитого, засиженного по тюремным и лагерным нарам старого племени преступного мира. Проще будет с ними? Легче, доступнее? Кордыбака повнимательнее присмотрелся к официанту: нет, из этого авторитета не выйдет, нет, не его явно это было место – нервно ерзал на стуле, шмыгал носом, беспокойно моргал и вертел глазенками.

– Имя твое, фамилия, – Валентин придвинул к себе блокнот и взял ручку.

– Дима. Дмитрий. Желудько.

– Я – следователь из городского управления, Кордыбака Валентин, лейтенант. По какому делу позвал, догадываешься?

Официант Дима понятиливо закивал.

– Расскажи мне, Дима, что знаешь о Букете.

Дмитрий еще немного поерзал на стуле, пожал плечами:

– Я знаю немного: иногда заходил он в кафе – водки выпьет, пива, закусит чем. Иногда в кредит брал, в тот день тоже водку в кредит заказал, хотя за прошлые пора уже было расплачиваться.

– На рынке чем занимался? Официально у кого работал?

– Нет. Так, на подхвате. Шестерил, можно сказать.

– На кого?

– Да много на кого, в основном на администрацию.

Вот с этим свидетелем Валентин чувствовал себя спокойно и уверенно. Это не Сипа, который сто раз подумает и хо-

рошо если скажет, а то ведь так и не скажет, а если что и поведаст, ушлый, то не за просто так.

– Почему Букетом называли? – и хотя вопрос этот ценности не имел, все же спросил.

– Разило от него всегда одинаково.

– А именно?

– Несло водкой, пивом, луком одновременно и еще непонятно чем постоянно изо рта.

Кордыбака поморщился и посмотрел в блокнот:

– С этим понятно. Переходим дальше. Встреча.

– Да, встречался он в тот день, ну перед убийствами, – Дмитрий напрягся. – С человеком одним.

– Это уже интересно. С каким человеком?

– Незнакомый. Раньше у нас не бывал, это точно. Пришел незнакомец один, сел за столик, я подошел, он заказал бутылочку минеральной воды и сигарету.

– Одну, что ли?

– Да, бывает, своих сигарет не имеют, а курят, только когда выпьют.

– Ну, а этот, – Кордыбака посмотрел в блокнот. – Чужак. Он ведь спиртное не пил?

– Не пил, но сигарету заказал. Минут через пять Букет вошел, окинул зал взглядом и сразу к нему подсел, словно знали они друг друга. Хотя нет. Когда Букет вошел, Чужак видел его, лицом ко входу сидел, но никак не отреагировал. Возможно, Букет знал Чужака, а тот его нет. О чем говори-

ли, не знаю, не слышал. Незнакомец заказал Букету тоже сигарету, Букет себе – сто грамм водки. Опять говорили, затем Букет встал, велел незнакомцу расплатиться за него и ушел. Чужак посидел еще некоторое время, допил воду, оставил деньги, но только за себя, и тоже ушел. Вот и все.

Кордыбака аккуратно и подробно внес услышанное им в блокнот и, почесав ручкой за ухом, предложил:

– Ну, а теперь самое интересное.

Дмитрий непонимающе пожал плечами:

– Так вроде все?

– Портрет. Подробный портрет Чужака.

Дмитрий задумался, но ненадолго, после чего информацию выдал всю и одним махом. У Валентина даже сложилось впечатление, что делал он это уже не в первый раз.

– Мужик, лет под тридцать пять. Высокий, крепкого сложения. Лицо нормальное, светлые волосы, коротко стриженные. Одет был – кожаная куртка, черная, не длинная, с капюшоном, темно-синие джинсы, кроссовки.

Дмитрий остановился предсказуемо вдруг и смотрел теперь на Кордыбаку покорными глазами. Все же Валентин обождал некоторое время и только потом удивился:

– И все?

– Как бы да.

– А портрет?.. Это же не портрет. Это так, в общих чертах. Портрет – это значит глаза какие, нос, губы, шрамы на лице, может, усы. Ну ты понимаешь.

Дмитрий отрицательно покачал головой:

– Такого не помню. Не присматривался. Да и сидел он как-то боком ко мне, и рука была – локоть на столе, ладонь на голове, наполовину закрыт. Если бы заранее сказали рассмотреть, конечно, присмотрелся бы, запомнил бы и губы какие, и нос, а так что – посетитель, как и остальные.

Кордыбака только вздохнул:

– Если бы...

– Кому еще давал описание портрета?

– Да никому, – неуверенно ответил официант.

– Сипе?

– Сипе? Сипе да.

Кордыбака недовольно покачал головой:

– Сипа сам попросил?

– Ну, типа того, – Дмитрий с трудом проглотил слюну и вытер рукой пересохшие губы, острогорбый кадык на его гортани медленно поднялся вверх и затем быстро вернулся обратно, похоже о Сипе у него были не самые лучшие воспоминания.

– Я так понимаю, после случившегося на рынке Сипа негодовал и допросил всех, кто хоть что-то видел или знал?

– Вроде того.

– Слушай, не в службу, а в дружбу: что-нибудь у Сипы есть на этого стрелка, какие-то результаты?

Дмитрий пожал плечами:

– Не знаю. Своим он наказал найти и к нему притащить,

но о том, отыскиали, или нет – не слышал.

– Хочу попросить тебя, – Валентин достал из кармана визитку и протянул официанту. – Звони, если что будет. Может, вспомнишь детали какие, вдруг его увидишь где. Кстати, узнать сможешь, если на улице встретишь?

– Думаю, да.

– Хороший ты парень. Простой, без заморочек. Молодец. И еще, – Кордыбака хищно прищурил глаза. – По возможности за Сипой присмотри. Лады?

Дмитрий неуверенно поморщился:

– Это как?

– Ну как. Учить тебя, что ли. Может, выйдет Сипа на стрелка того – дашь знать.

– Да кто же мне скажет об этом.

– Слушай, ты серьезно, что ли? Ну в кафе твоём разговоры разные бывают и об этом деле, и о Сипе, и о многом другом. Ты прислушивайся, запоминай, о чем люди говорят, а я уж сам потом отфильтрую.

Дмитрий кисло, с натугой улыбнулся и кивнул.

– А лучше продиктуй-ка мне свой телефон, а то, я смотрю, парень ты стеснительный, а я нет. А вообще могу мыслями своими поделиться. Будь моя воля, обязал бы вашего брата, всех официантов во всех кафе Киева, фотографировать своих клиентов незаметно и хранить базу в течение месяца, потом можно удалить. Как считаешь?

– Ну если надо... Я могу...

– Да ладно, – Кордыбака махнул рукой и улыбнулся, записывая телефон официанта Дмитрия в свой блокнот. – Давай-ка мы сейчас пройдем к тебе в кафе, поглядим на месте, как и где наблюдал ты собеседника Букета.

Оружейный магазинчик активно разоружали. После неожиданной и трагичной смерти хозяина павильона и его сотрудника, очевидно, помещение было продано, прежнее содержимое из него вывозилось, и теперь новый хозяин переоборудовал магазинчик на свое усмотрение. Внутри что-то сверлили, пилили, прибивали, тянули провода, крепили новую вывеску.

– И что теперь? – то ли спросил, то ли сказал Кордыбака, и сам не знал зачем. И так было понятно, пустовать не будет. А вот почему он их убил? Мыслей по-прежнему не было. В электрощитовой как-то еще объяснялось, пусть с трудом, с натяжкой, но вышло, за что-то избил, потом убил, была, видимо, причина, но оружейников просто зашел и застрелил. Ну никаких зацепок, ни намека, ни подсказки, пустота, словно вакуум.

Дмитрий посмотрел на бывшую оружейную мастерскую:

– В смысле что здесь будет? Не интересовался.

– Да так, вообще.

Они вошли в кафе. То, что это не был «Фудзияма», стало досконально понятно с первой же секунды пребывания там. Кордыбака замер и поморщил нос:

– Чем у вас тут кормят и поят?

Дмитрий даже не стал отвечать, указал рукой на стол, за которым Букет встречался с Чужаком:

– Вот там сидел незнакомец, а напротив него Букет.

– Да уж, – Валентин обвел неторопливым взглядом помещение. За сизой пеленой табачного смога и бледного, «аля интим» освещения смутно просматривались полутрезвые физиономии немногочисленных клиентов за кружками пива и горками разбросанной по столам шелухи от пересушенной тарани. – Заведеньице не первый сорт. И клиентура соответствующая, надо так понимать.

Дмитрий опять промолчал, затем кивнув в сторону барной стойки неуверенно спросил:

– Ну, я все? Пойду?

Кордыбака повернулся к двери:

– Давай выйдем на пару слов.

Официант вздохнул и пошел следом.

Вот когда с полной глубиной понимания, ощущения и осязания можно было оценить чистоту и свежесть воздуха даже на Святошинском рынке, особенно для такого человека, как Кордыбака Валентин, который не пьет, не курит и подобные заведения не посещает.

Они вышли из кафе. Отпускать официанта он пока не хотел – не все было сделано, проверено, осмотрено. Да и потом, ходить самому по незнакомой территории, не имея в наличии такого помощника, было не то что не обязательно, но и неправильно. И рациональнее и разумнее было до конца

воспользоваться услугами Дмитрия, тем более что тот особо не возражал.

– Давай, чтобы я не плутал, пройдем к электрощитовой, хочу своими глазами посмотреть, ощутить на местности. Не откажешь следственным органам? А, Дмитрий?

Дмитрий согласно вздохнул.

– Вот и хорошо. – Кордыбака посмотрел вокруг. – Буду только благодарен. Да, что еще хотел сказать. Мысль возникла у меня насчет тебя не совсем хорошая.

Официант вытянул лицо, не столько от удивления, сколько от интереса:

– И что?

– А то, братец ты мой. Выходит, практически только ты видел преступника, вот как меня сейчас, и запомнил его внешность. Скажем так, теоретически запомнил.

Лицо у Дмитрия вытянулось еще сильнее, теперь уже скорее от испуга:

– Что значит – теоретически? Вы хотите сказать, искать он меня будет? Захочет убрать как свидетеля?

– Не то что захочет, а, я думаю, уже давно хочет. А что тебя искать, вот он ты, тут весь. Ну веди.

Они шли через рынок кратчайшим путем в сторону автоэстакады. Дмитрий впереди, Валентин чуть позади, иногда немного отставал, заглядывая на прилавки торговых павильонов, да и так, по сторонам, в проходы между рядами и улочек, заодно запоминая дорогу. У последнего ряда перед

выходом на дорогу Дмитрий остановился. Кордыбака тоже, вопросительно глянув на парня.

– Вон электрощитовая, – официант Дима указал рукой на другую сторону дороги, где в бетонную стену эстакады была вмурована с первого взгляда малоприметная ржавая металлическая дверь. – Спросить можно?

– Да.

– Вы действительно думаете, может убрать меня как свидетеля?

Кордыбака посерьезнел, ответил, но не сразу. Теперь, после посещения рынка и общения сначала с авторитетом, а затем и с этим пареньком, понял, что была такая вероятность. Более того, возникал вопрос, почему преступник до сих пор этого не сделал? Или уже и не сделает? А может, просто по каким-то причинам пока исполнить это у него не получалось. Официант реально был в опасности, это факт. Что-то нужно было предпринимать для его безопасности, и, похоже, еще вчера. Конечно, надо доложить и обсудить с Аранским, но главное понять, насколько вопрос критичный.

– Исключать подобное, конечно, нельзя, но, с другой стороны, если бы хотел, уже пришел бы. Подумаем об этом обязательно.

Дмитрий подошел к ближайшему к ним павильону и оперся левым плечом о ребристый профиль боковой стенки, посмотрел на Валентина и кивком головы предложил подойти:

– Вот так стоял он минут пятнадцать, наблюдая за дверью

в электрощитовую.

Кордыбака подошел и стал рядом, оценивая простирающееся впереди себя пространство. Для наблюдательного пункта место было выбрано правильно, объект просматривался хорошо, при этом наблюдатель оставался отсюда, с другой стороны дороги, незамеченным, эта деталь была неожиданностью и, насколько помнил Кордыбака, нигде в следственных материалах не упоминалась.

– Ты что, следил за ним?

Дмитрий казался немного возбужденным:

– Брать его надо.

– Нет, погоди, с чего ты взял, что он здесь стоял, да еще и пятнадцать минут?

– Видели его.

– Кто?

Дмитрий кивком головы указал назад, за спину. Кордыбака повернулся: в третьем от них ряду рядом с проходом в открытом павильоне за прилавком с разложенным товаром сидела девушка, периодически посматривая в их сторону.

– Так, так. Вот так дела... И кто такая?

– Оля.

– Девушка твоя?

– Вроде как, – неуверенно ответил Дмитрий.

– Так да или нет?

– А вам зачем? Иногда встречаемся.

– Где живет?

– Здесь недалеко квартиру снимает с подружками, тоже на рынке работают, втроем живут. Сама из Коростеня.

– Почему раньше молчал?

– Не думал, что важно, – Дима замялся и потупил взгляд. – Да и впутывать не хотел ее.

– Конечно, важно, все важно, любая мелочь. Ну-ка напрягись, может, еще что вспомнишь?

– Да нет, – Дмитрий беспокойно топтался на месте. – Брать его надо.

– Это понятно, – Валентин похлопал его по плечу. – Ты не волнуйся, никуда он не денется. Возьмем. Пойдем с Олей побеседуем.

Девушкам Кордыбака нравился, причем всем, ну почти всем. Во-первых, молодой, двадцать семь лет. Выглядел, правда, года на три-четыре старше. Высокий, даже более чем – долговязый, худощавый, но жилистый и широкий в кости. Ноги длинные, руки длинные, ладонь примерно с суповую тарелку. С собеседниками обычно был улыбчив и приветлив. В целом несколько нескладный, но приятный. Лоб высокий и открытый, волосы темные, прямые, как росли, так и укладывались сами по себе. Достаточно хорошо был образован, разговор поддержать мог во многих направлениях, при необходимости метко сострить, для него труда не составляло пошутить, подтрунивать над собеседником, но не зло. Со слабым полом держал себя умело, учтиво, корректно, где надо – поделикатничать мог и обходительность в нужном месте

проявить, не стеснялся, чувствовал ситуацию и легко менял ее в нужном направлении. Безусловно, Оле он тоже понравился, она смотрела на него с интересом и уважением.

– Ничего, если я вас немного оторву от трудовой деятельности? – Кордыбака улыбнулся, положив свою широченную ладонь на плечо Дмитрия. – С вашим приятелем Димой мы уже подружились. Вас зовут Оля? Меня – Валентин. Следовательно.

Девушка улыбалась в ответ просто и открыто:

– Да разве мешаете? Стою, скучаю. Нету покупателя. Куда-сюда ходят, и нету. Вы первым будете. А это примета хорошая.

– Да как не купить у такой гарной дивчины. Покажите, что?

Дмитрий попытался перевести разговор в другое русло, эти взаимные улыбочки были ему не совсем по душе:

– Оля, следовательно интересуется тем типом, который в день убийств возле павильона стоял.

– Да, очень был бы рад услышать? – Кордыбака кивком подтвердил просьбу Дмитрия.

– Помню, конечно. Стоял там мужчина минут пятнадцать, может, двадцать, потом дорогу перешел и исчез, мне отсюда не видно было, но говорят, в щитовой под мостом. Потом вернулся, минут через пять примерно, и вот так вот через рынок швыденко и подался. Быстро шел, торопился.

– А в каком направлении? Не в сторону кафе Дмитрия?

– Вы имеете в виду оружейную мастерскую? Ну, так в том направлении.

Кордыбака удовлетворенно улыбнулся, но не только девушке, Дмитрию тоже:

– Вы чудная девушка. Скажу больше, вы мне понравились. А как выглядел тот мужчина, запомнили?

– Конечно. Высокий такой, справный. Правда, спиной стоял, лицо не видела. Куртка на нем была черная, капюшон поверх головы, джинсы синие.

Валентин достал блокнот и все услышанное записал, больше она ничего не знала, и пытаться вопросами не имело смысла:

– Спасибо, очень помогли. – Опять положил ладонь на плечо Дмитрия и добавил: – У вас гарный парень, берегите его.

Кордыбака сказал и тут же понял: последние слова были лишними, Дмитрий глянул на него снизу вверх глазами, полными вопроса и тревоги, однако, спохватившись, по-дружески потрепал того по плечу и как-то неуверенно, кисло улыбаясь, заключил:

– Так мы пошли? Еще раз спасибо. – И галантно склонил голову.

– А купить не купили ничего? – девушка досадливо развела руками.

Собственно, что они могли купить, товар у нее был специфический, нитки, пряжа, резинки, иголки, молнии, клеп-

ки, заклепки и прочие несессеры.

– Обязательно, в следующий раз, – с таким же пониманием пообещал Кордыбака.

Дмитрий проводил следователя до машины, он уже не तोпился с ним расставаться, нехорошее чувство тревоги поселилось в душе глубоко и основательно. Теперь ему требовалась защита, он понимал это крайне отчетливо, и уверенность в том, что не оставят, не бросят на растерзание зверю, так легко и хладнокровно завалившему четырех человек на рынке и теперь бродившему где-то рядом кругами, словно алчный зверь в ожидании удобного случая уничтожить и его, ощущалась только в непосредственной близости с таким человеком, как Кордыбака – представителем силы и мощи всей государственной системы правопорядка.

– Как же мне теперь быть? – чуть ли не хныкал Дмитрий.

Кордыбака подошел к машине, нажал кнопку на брелоке, разблокировав замки и открыл дверь.

Его небольшой автомобиль в тандеме с его фигурой смотрелся еще меньше, чем был на самом деле, это бросалось в глаза, непроизвольно наводя на вопрос, как он там помещался, а если и помещался, то как умудрялся управлять в подобных стесненных условиях, контролируя дорожную ситуацию и маневрируя в плотном городском трафике.

– Начеку, – Валентин и сам не знал, что конкретно и гарантированно можно было посоветовать парню. Успокоить уж точно должен был. Но, кроме общих фраз, что еще ска-

зять, не знал. – Постоянное внимание. Среди людей он тебя не тронет, новые свидетели ему не нужны, поэтому избегай подозрительных мест, не ходи поздно в безлюдных местах и на все обращай внимание. Домой десятой околицей добирайся. Где-то что-то не так как обычно или кто-то незнакомый подозрительно долго находится в непосредственной близости от тебя – принимай меры, меняй быстро ситуацию, блокируя таким образом его действия. Например, в двух автобусах одно и то же лицо заметишь, домой не иди, звони мне, а сам в ближайшее кафе заворачивай и жди нас. Ну, а так что делать?.. Изолировать полностью мы тебя не можем, оснований пока нет, да и потом, возможно, все эти опасения напрасны, не нужен ты ему. Ведь что знал, ты давно нам рассказал. А самое главное, сразу звони мне, тем более если где увидишь его, это очень важно! Сразу звони! Брать его надо, бандюка!

Кордыбака катил по проспекту Перемоги, резко подергивая рулем, пропуская небольшие выбоины, ямки, трещины то между колес, то справа, то слева. После зимы дороги разочаровывали в который раз, и никак к этому привыкнуть не получалось. На улице потеплело, послеполуденное солнце, удачно маневрируя между облаками, ярко светило в глаза и радовало пока еще несмелым, но долгожданным теплом, высушивая остатки сырости на асфальте. А в салоне автомобиля и вовсе было жарковато, несмотря на отключенный отопитель и слегка приоткрытое стекло окна.

Аранский по телефону наказал ему на Петровку не ехать. Сказал, ждет у себя, и попросил не задерживаться. Валентин нажал на красную кнопку и бросил телефон рядом на сиденье. А ведь он запланировал сегодня побывать как на Святошинском рынке, так и на Петровке. Это было важно – окончательно разобраться, связаны как-то все эти преступления или нет, одна ли рука нажимала на спусковой крючок пистолета или нет. То, что ехать нужно, сомнения не было, этому свидетельствовали и результаты посещения Святошинского рынка. Теперь совершенно точно выяснилось, что преступник там был один, встречался с Букетом, затем проследил за ним и, когда Букет с приятелем вошли в электропомещение, проследовал за ними, избил и застрелил, после чего покинул помещение, прошел к оружейной мастерской, причем торопился и застрелил оружейников. Прямых свидетелей этих двух преступлений, совершенных примерно в течение минут двадцати, не было, но вот из показаний косвенных свидетелей картинка вырисовывалась достаточно понятная. Если честно, то ему хотелось найти доказательства того, что убийства на Петровке никак не связаны с убийствами на Святошинском рынке. Хотелось потому, что в его рассуждениях, анализе и отсутствии веских фактов, если не считать пуль, где вероятность совпадения исчислялась как пятьдесят на пятьдесят, все говорило о том, что общего там ничего не было. Совершенно разные мотивы, разные преступники и оружие, вот по оружию единственно требовалось доказать,

что оно было разным, или наоборот.

Кордыбака посмотрел на телефон, ну почему не заскочить ему на Петровку, почему? Поговорил бы с соседями убитых валютчиков, что-то бы да и всплыло. Должен преступник где-то след оставить, пусть маленький, незначительную, но зацепочку. Может, еще где-то была видеокамера, на которой запечатлелся преступник. А как этого хотелось, хоть краем глаза, хоть со спины, хоть кусочек, но увидеть, ощутить его как реальное, материальное существо.

Валентин взял телефон и набрал Аранского. Тот ответил на первом же гудке.

– Сергей Викторович, я опять.

– Говори.

– Да вот все голову ломаю, думаю, сопоставляю, анализирую по поводу Петровки.

– Ты где сейчас? – Аранский явно к длительной беседе не был расположен.

– К Шулявке подъезжаю.

– Хорошо, я жду тебя.

– Сергей Викторович, может, все же заскочить на Петровку? Потолкую с людьми там...

Аранский перебил его:

– Кордыбака, ты почему такой упрямый. Я ведь сказал, дуй в управление.

– Что-то серьезное?

– Ну а ты как думаешь?

- По Святошескому рынку?
- Возможно.
- Понял. Еду.

За окном была ночь, но свет в окнах соседних домов давал знать о том, что утро уже наступало. На часах была половина шестого, солнце всходило значительно позже, около семи. Вчера утром оно взошло незамеченным из-за плотной пелены облачности, да и за целый день его так никто и не увидел. По прогнозу обещали, что заладиться сегодня могло только к вечеру, хотя апрельская погода со свойственной по-весеннему непостоянностью за день могла меняться несколько раз, а потому надежда на солнечный и приветливый день впереди оставалась.

Город просыпался, это было уже не только видно, но и слышно: из квартир снизу доносились звуки кухонных хлопот вперемешку с полусонными неразборчивыми голосами, а за стенкой слева иногда злобно тявкала собачонка, реагируя на движения лифтов и возню с утра голодных голубей на балконе.

Далеко внизу на Соломенской изредка, со своей пока еще не частой периодичностью, шурша шинами по асфальту, проносились авто, с каждой последующей минутой сокра-

щая периодичность, чтобы через полчаса уже слить этот шум в единый поток.

Борис проснулся и больше уснуть не мог, как ни силился и ни старался, переворачиваясь с боку на спину, со спины на живот. И это несмотря на то, что лег спать около двух часов ночи. Вечер вчера неожиданно приятно удивил одним непредсказуемым событием, внезапно окунув его в атмосферу другого, необычного, не свойственного для его существования, кусочка жизни. В этом было что-то и притягательное, и соблазнительное, завлекающее своей сказочной и природной обыденностью и в то же время пугающее и чуждое, не свойственное его образам, понятиям и целям, но так случилось.

Домой возвращался уже после восьми вечера: пока заехал в супермаркет за продуктами, потом место для стоянки машины пытался найти. Во дворе не парковался априори, в чужом мог, в своем – никогда. По дворам ездить не стал – смысла не было, приткнулся на Соломенской, метрах в двухстах от дома.

Он увидел ее издали – ту молодую женщину из лифта. Она сидела на скамейке возле подъезда, курила, обхватив свои плечи руками, поеживаясь от прохлады в легкой, пока еще не по погоде курточке. Он ее увидел и узнал и теперь, приближаясь, думал: поздороваться или пройти мимо. Если поздороваться, то она могла опять начать задавать вопросы, а этого не хотелось. После последней их встречи ощущение

ние осталось не вполне приятным. А ведь и сейчас она могла пойти следом за ним в лифт, чтобы потом стоять рядом, сверлить назойливым взглядом и дурные вопросы задавать. Да, не совсем кстати сидела она у подъезда... Оставался вариант поздороваться и пройти мимо.

Однако получилось так, как, видно, желала женщина: она тоже еще издали его заприметила и, когда между ними оставалось несколько шагов, повернула голову в его сторону, близоруко прищурила глаза и небрежно проронила:

– А, соседushка. Вечер добрый. Не проходите мимо.

Все точки над «и» были расставлены, причем одной короткой фразой.

Борис остановился:

– Здравствуйте. Да вот с работы. Не холодно?

Она не ответила, указала на место рядом с собой:

– Присаживайтесь, – и добавила: – Если не торопитесь.

Три секунды он думал, не более. Не огорчать же! Огорчать, конечно, не стал – положил пакет на скамейку, сел рядом. Женщина протянула пачку с сигаретами.

– Не курю.

– Спортсмен? – полушутя спросила она.

– Типа того.

– Не видела, чтобы утром бегал.

Как-то незаметно и даже не задумываясь она перешла на «ТЫ».

– Люблю поспать.

– Вечером, кстати, тоже не видела.

– Рано ложусь.

Женщина опять прищурила глаза:

– На все ответ имеешь?

– Типа того.

– А пиво будешь?

Не ожидая ответа, она достала из пакета пол-литровую банку «Пилснера», открыла и протянула Борису:

– Зовут как?

– Боря. – Он сделал несколько глотков и поставил банку между ними на лавку.

– Хорошо.

– Что хорошо.

– Все хорошо, – она опять поежилась. – Погода хорошая, вечер весь такой, зовут тебя тоже неплохо.

Борис не совсем понял, но согласился.

– А меня Люба, – она взяла банку, сделала несколько глотков и поставила опять между ними. – Значит, с работы?

Борис согласно кивнул.

– Я тоже. В «Сильпо» работаю. Домой идти не хочется.

– Бывает, – Борис поднял банку с пивом, сделал пару глотков. – С мужем поссорились?

– Нет. Просто настроение такое. Дом, работа, дом, работа – серость сплошная. А мужа нет. А ты где работаешь?

– Металлом торгую.

– Это как?

– На складе. Менеджер.

Женщина оценивающе окинула его взглядом:

– По тебе так не скажешь.

– Почему?

– Не похож на офисного работника. Больше на спортсмена.

– Одно другому не мешает.

Она тоже отпила из банки:

– Каким спортом увлекаешься?

– Плавание.

– В «Спорт Лайф», что ли, ходишь?

Борис согласно кивнул. Некоторое время сидели молча, по очереди прикладываясь к банке, пока она не опустела.

Люба посмотрела на свой пакет:

– Еще пиво будешь?

Борис пожал плечами.

– Здесь нет. Дома есть. Пойдем ко мне?

Они поднялись к ней на девятый этаж. Обстановка в квартире ему понравилась уже с прихожей. Мебель небогатая, но подобрана была со вкусом: ничего лишнего и в то же время все, что нужно было. Их встретил мальчишка лет двенадцати. Люба потрепала его по волосам на голове:

– Уроки сделал, чадо?

– Давно.

– Познакомься, это дядя Боря.

Мальчик по-взрослому протянул руку:

– Виталя.

– Борис.

– Кушал? – материнские заботы проявлялись в первую очередь.

– Да, мам, поел.

– Чем занимаешься?

– За компьютером.

Люба сняла курточку, поежилась – все же продрогла пока на лавочке сидела:

– Точно уроки сделал?

– Точно, точно.

– Еще двадцать минут в игрушки свои играешь – мыться и спать. Понял?

– Хорошо.

– Включи дяде Боре телевизор, а я пока ужин приготовлю.

Виталий включил телевизор, дал Борису пульт, а сам сел за компьютер. Борис полистал каналы, остановился на музыкальном. Окинул взором комнату. Все хорошо смотрелось, свежо, просторно, качественные отделочные материалы. Похоже, ремонт недавно делался, неплохая мебель, музыкальный центр «Панасоник», большой телевизор «Самсунг». Встал с дивана подошел к Виталию:

– Какая игра?

– «Колл оф дьюти».

– Не знаю такой. Получается?

– Конечно. Обычная стрелялка. Вы тоже играете?

– Иногда.

– А в какие?

– Люблю полетать.

– На самолетах, что ли?

– Да, – Борис смотрел как Виталий перемещался по монитору поливая врагов из автомата.

– Симуляторы?

– И симуляторы тоже.

– Нет. Мне не нравятся. Танки не пробовали?

– Это, что?

– Сейчас популярная, по сетке. Хотите, могу показать?

– Да ладно, не отвлекайся. Играй.

Люба позвала на кухню. Почему-то стол был накрыт чуть ли не празднично. Борис почесал затылок:

– Я с пустыми руками. Кое-что купил, в пакете, но не к такому столу. Может, сгонять в магазин?

Люба удивленно посмотрела на ужин:

– Разве чего-то не хватает? – и, спохватившись, открыла дверцу шкафчика. – Водка? Коньяк? Я – вино.

– Я тоже. – Даже от той банки пива, которую они выпили, удовольствия он не получил, крепких напитков тем более не хотел.

– Тогда вино, – Люба достала из шкафчика бутылку «Киндзмараули», штопор и два бокала, поставила все на стол. – Открывай.

– Даже не знаю, – Борис откупорил бутылку и наполнил

бокалы. – Как-то все неожиданно и так празднично. Я в легком замешательстве, а по большому счету – обескуражен.

Люба взяла бокал:

– Ерунда, накрыть стол – дел на пару минут. Забыл, где я работаю?

– Ну, тогда за этот дом, – и он тоже поднял свой бокал.

Они выпили, потом закусили. Она умела готовить, это было понятно. Еда была вкусной, домашней и умело приготовлена. Еще выпили, потом еще. Немного захмелели. Борис понимал, ей хотелось рассказать о себе, о своей жизни, немного пожаловаться, немного поругать, дать понять, кто виновен во всем и кого обидели, как бы невзначай намекнул, заметил о ее ребенке, отце Витальки, и не ошибся.

– Да нормально жили, семья как семья. Сын родился и рос. Квартиру эту купили. Муж тоже менеджером работал. Да и сейчас работает. В большой компании. Последнее время часто в командировки его отправляли. Очень часто. Я чувствовала, что добром не кончится, менеджерша с ним тоже по этим командировкам ездила. Не заставляя же его было увольняться с работы и другую искать. Хотя, наверно, надо было. Таки увела она его от нас совсем, сучка. Развелись, поделили имущество, ему дача и машина его, у нас две было «мицубиси аутлендер» и «ниссан микро», нам с сыном квартира осталась и «микро» моя.

– И давно расстались?

– Окончательно, по суду, полтора года уже.

– Смотрю, неплохо зарабатывал он.

– Хорошо. Только сейчас для других, – Люба убрала со стола пустые тарелки. – Кофе, чай?

– Лучше кофе.

– Ну, а ты как? Вижу, один?

Борис понимал, что от подобного опроса не уйти, коли согласился присоединиться к ней на лавочке, затем прийти в дом, сидеть, пить вино и ужинать, рассказать о себе придется.

– Да, один.

– И что, женат ни разу не был?

– Пока не встретил, – Борис улыбнулся. – Ну, ту, которая...

– Бывает, – Люба разлила по чашкам кофе. – Квартиру, так понимаю, снимаешь? Сам откуда, если не секрет?

– Из Полтавы.

– В столицу подался?

– Выходит, что, да.

Было слышно, как сын ее Виталий пошел готовиться ко сну, в ванной зашумела вода.

– Он у меня самостоятельный, сейчас помоемся, спокойной ночи пожелает и спать, – заметила она о сыне, посмотрев на часы.

Закончив с кофе, они перешли в комнату, потягивая вино, смотрели телевизор на слабой громкости, тихо говорили, старались не шуметь, в соседней комнате засыпал ребенок.

Борис приподнялся, затем сел. Она лежала, рукой чуть прикоснулась к его спине:

– Куда?

Светящийся циферблат часов показывал половину второго ночи. Борис пошарил ногой около дивана – где-то там была его одежда:

– Домой, наверно, поднимусь, – он знал, сделать нужно было именно так. – Витальке утром в школу собираться, тебе на работу, мне тоже. Я домой лучше пойду.

Она, засыпая, полусонным голосом пробормотала:

– Как знаешь...

Борис оделся, присел на край дивана:

– Люба, я что хотел сказать...

– Говори.

– Надеюсь, это не будет нас к чему-то обязывать.

– Я провожу тебя, – она встала, накинула халат и вышла с ним в прихожую. – Я тоже хотела это сказать. Спасибо за вечер.

– Тебе тоже.

Спать Борис не хотел, хотя и лег уже после двух ночи, вставать тоже. День сегодня намечался напряженным. По хорошему, нужно было как следует выспаться и отдохнуть.

Вчера он все же решился и после обеда проехал в оружейный магазин на Маяковского. Нашел Сергея без труда. Как и задумывал, объяснил, что от Олега, ищет интересное кол-

лекционное оружие, боевое, в рабочем состоянии, с патронами. То, что он от Олега, имело большое значение. Одно дело зайти с улицы и сказать, что ищешь ствол, и совсем другое, что от человека, который тоже занимается оружием. Это означало, что Олег уже имел дела с ним, то есть с Борисом, и доверять ему можно. О глушителе заикаться не стал, хотя нужен был, и очень. Обычно глушители не коллекционируют, и это был бы явный намек, что пистолет приобретается совсем для других целей. А продаст сейчас пистолет, потом, позже, можно будет поговорить и о глушителе, пройдет первая сделка нормально, уже будут доверять друг другу.

Сергей переспросил только:

– Олег на Воздухофлотской?

Борис согласно кивнул. Недолго думая продавец оружия предложил подождать его на улице, а он через пару минут подойдет. Свою машину Борис не стал светить, припарковался во дворе у жилых домов, метрах в ста от магазина. Сергей вышел, как и обещал, через несколько минут, зашли за угол здания.

– Из неходового, редкого, можно сказать, коллекционного, сейчас есть только парабеллум, четырнадцатого года, – Сергей достал пачку сигарет, предложил Борису, тот отрицательно кивнул головой, закурил сам. – Устроит такой вариант?

– А состояние оружия какое? Лет ведь не мало.

– Состояние хорошее, знаю точно, отстрел не большой. Да

и хранение, можно сказать, домашнее, в тепле и сухости.

– Патроны есть?

– Да. Сколько надо?

– С полсотни хватит. Когда-никогда пострелять по бутылкам.

– Один патрон – один доллар, пистолет – шестьсот. Устроит?

Борис согласился. Он предполагал, что стоимость оружия будет в этих пределах, а с глушителем потом разберется:

– Задаток нужен?

Сергей на секунду задумался:

– Нет. Нужен ваш номер телефона, я позвоню, где и когда.

Ориентировочно завтра, по телефону сообщу все подробности встречи.

Борис продиктовал свой резервный номер, и на том расстались.

Как не хотелось вставать, но поднялся – все равно уже не спал. Размялся, умылся, в прихожей увидел пакет с продуктами – как пришел ночью от соседки Любы, так в прихожей и оставил. Опять вспомнил ночное любовное событие. Хорошо это было или нет, пока не задумывался и не анализировал, и потом, никто ведь никого ни к чему не обязывал, так и договорись, а главное, до утра у нее не остался. И второе: она не должна к нему приходить в эту квартиру. Никогда! А это решаемо.

Сегодня должен был позвонить Сергей оружейник с проспекта Маяковского. Проверил телефон – был включен, поставил на зарядку. Включил компьютер, сообщений от Студбеккера не было. Приготовил завтрак, с экрана кухонного телевизора слушал новости и ел яичницу, полистал каналы и выключил. Ждать – это хуже всего. Неопределенность – скверное состояние. Позвонит ли Сергей, или пустая была встреча, а еще хуже, если ментам сдаст. Такая вероятность была, верить в это не хотелось, но исключать тоже не стоило, а значит, обязательно должен был подготовиться.

Борис позавтракал, помыл посуду, затем постелил на столе полотенце, достал из ящика стола ПМ, разобрал, проверил все детали и смазал. Патронов мало – четыре, на крайний случай, случись худшее, хватит. Нож большой, с откидным на пружине лезвием, был хоть и китайский, но неплохого качества, с широким, крепким, острым лезвием, а надежное его крепление к рукоятке и прочная фиксация при открывании полностью удовлетворяли как для холодного оружия подобного типа. А вот кастет, старый закадычный товарищ, всегда готов был послужить верой и правдой в рукопашной. Вот и все, он готов.

Оружейник Сергей позвонил уже после обеда, в половине первого дня.

И все же Борис поспал. После завтрака, часов в десять прилег на диван, включил канал «Дискавери» и не заметил, как уснул. Проснулся в двенадцатом часу так же неожиданно. Сон был крепким, снов не помнил, час пролетел, даже не заметил, поэтому еще некоторое время лежал на диване, приходя в себя. Открыл балкон и вышел на свежий воздух. Посмотрел вниз и поежился. Вниз смотреть не стоило, тревога и сумбур в голове только увеличивались, перевел взгляд на соседний дом. В голову пришла бредовая мысль: если бы пришлось уходить от преследования, смог бы он по канату перебраться на крышу соседнего дома? Перевел взгляд в небо, глубоко вздохнул и задержал дыхание, слегка закружилась голова, выдохнул, еще раз набрал воздух и задержал дыхание, и опять закружилась голова, но меньше, задержал дыхание примерно на минуту – полторы. Опять поежился, но уже от прохладного воздуха.

Машину с балкона видно не было. Стоило сходить прове-

рить ее, завести прогреть. Борис вернулся в комнату, балкон оставил открытым.

Встречу Сергей назначил в парке «Победа» в половине четвертого дня. Сказал, будет прогуливаться у центрального входа. С выбором места было более-менее понятно: магазин находился относительно недалеко от места встречи, а вот время не требовало ни объяснений, ни догадок, причин могло быть множество. Так было назначено, а значит, из этого и следовало исходить. Подъехать туда Борис должен будет как минимум за два часа до встречи, на дорогу уйдет минут тридцать. Он посмотрел на часы, было без пятнадцати минут час дня. Пора было собираться.

Одеться решил не как обычно. Вместо джинсов и кроссовок надел черные брюки и туфли, вместо куртки – демисезонное короткое пальто серого цвета, шарф и шляпу с узкими полями. Оружие распределил по карманам. В портфель положил журнал «Мен», посмотрел на себя в зеркало – выглядел представительно, пересчитал деньги, отделил шестьсот пятьдесят долларов и спрятал в заднем кармане брюк.

Машина завелась легко и быстро, включил радио, съехал с бордюра, вклинился в общий поток автомобилей, еще до первого светофора перестроился в левый ряд и на перекрестке развернулся. Через центр города решил не ехать, в это время на дорогах начинали возникать пробки, особенно в центральной его части. По его соображениям, лучше всего было добраться до бульвара Дружбы Народов, на набереж-

ную и до моста Метро, а там на левый берег до Дарницы было рукой подать. Правда, круг небольшой получался, но зато по времени надежнее выходило. Горючки было полбака, удобная АЗС подвернулась уже только на Дружбе Народов. Заехал, заправился до полного бака.

У парка «Победа» был уже в час двадцать пять. Автомобиль припарковал подальше от места встречи на улице Андрея Малышко. Запер машину, по кривой, через дворы вышел на территорию парка. Не углубляясь далеко, осмотрелся: ничего особенного пока не наблюдал. Кто-то прогуливался по дорожкам, кто-то сидел на скамейках. Надолго задерживаться там не стоило: территорию осмотрел, теперь нужно было где-то залечь в безопасном и укромном месте и понаблюдать за дорожками парка. После звонка оружейника мысль возникла о гостинице «Братислава». Сейчас, присмотревшись поближе, решил зайти и осмотреться там. К гостинице пошел опять через дворы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.